

НИВА

Иллюстрированный
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 16

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 16 Апрѣля 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи . . . . . 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при
„Нивѣ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

Русскіе типы и сцены. Хоръ пѣвчихъ Шапшенского сельского училища (Вологодск. губ.). Съ фотограф. Лаптева, грав. Барановскій.

Хоръ пѣвчихъ Шапшѣнскаго училища.

Въ 1869 году во всемъ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи числилось не болѣе пяти сельскихъ училищъ. Числилось еще до семидесяти церковно-приходскихъ школъ.

Въ 1870 году открылось земство, а въ 1879 году сельскихъ училищъ оказалось уже болѣе двадцати и между ними явились такія, въ которыхъ учениковъ было и въ одномъ училищѣ больше, чѣмъ по всѣмъ вмѣстѣ взятыми прежнимъ пятью училищамъ. Развитію и устройству училища содѣствовали и земство и сами крестьяне, особенно съ 1874 года, когда обнародованъ былъ новый уставъ по отбыванію воинской повинности. Въ нѣкоторыхъ училищахъ, кромѣ обязательныхъ по программѣ предметовъ, преподавалось и пѣніе.

На прилагаемомъ рисункѣ снята группа крестьянскихъ мальчиковъ Шапшѣнской волости, составляющихъ замѣчательно хо-

рошій хоръ пѣвчихъ при Шапшѣнской церкви. Всё это, конечно, ученики Шапшѣнскаго училища, куда, кромѣ учителя и законоучителя, приглашенъ еще преподаватель пѣнія—мѣстный дьяконъ, который и видѣнъ между ними съ неразлучною спутницей своихъ уроковъ—скрипкою.

Вся эта группа съ разнообразными, миловидными дѣтскими лицами, представляетъ очень оригинальный и своеобразный видъ. Сколько такихъ хоровъ завелось теперь при приходскихъ церквяхъ и какъ принялось это прекрасное дѣло церковнаго пѣнія, всегда высоко чтившагося на Руси. Съ самыхъ давнихъ временъ при церквяхъ и соборахъ русскихъ всегда были частные хоры пѣвчихъ и страстные любители этого пѣнія, и хоровъ этихъ въ древней Руси было гораздо больше, чѣмъ вообще можно бы было предполагать.

ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

Такова была истина, которой Михаилъ Петровичъ не подозрѣвалъ. Онъ вѣрилъ въ свою небезгрѣшность въ отношеніи малютки и рѣшилъ перенести наказаніе твердо и безропотно. О томъ, что собственно все это было счастливой развязкой печально сложившагося положенія вещей, о томъ, что онъ былъ еще слишкомъ малъ и слабохарактеренъ для того, чтобы обстоять передъ тетенькой Акѣ и ея положеніе въ его домѣ, равно какъ и о томъ, какъ бы стала жить малютка въ кухнѣ и еще позволила-ли бы ей даже тамъ жить тетенька Настурція,—Михаилъ Петровичъ не думалъ въ силу возникающаго въ человѣкѣ эгоистического стремленія оправдать свою слабость независящими отъ него обстоятельствами. Утопающій, онъ схватился за соломинку и въ рѣшеніи г. Деврента разлучить его съ малюткой, какъ бы нашелъ, если не препятствіе, то оправданіе невозможности обстоять Акѣ передъ тетенькой: желаніе, какъ бы уничтожалось тутъ наказаніемъ, становилось невозможнымъ для исполненія. Это была конечно слабость, но которой во многихъ слѣчаяхъ подвержены и взрослые, а Михаилъ Петровичъ былъ ребенокъ.

И вотъ онъ несъ теперь наказаніе. Онъ былъ какъ-то растерянъ и улыбался, готовый расплакаться каждую минуту, перекладывая свою шапочку изъ одной руки въ другую. Что-то рвалось въ его груди и какая-то горечь скопилась въ горлѣ, когда малютка потянулась съ рукъ кухарки на руки госпожи Деврентѣ и, очутившись у послѣдней, послала „дадѣ“ и кучеру прощальный поцѣлуй... Растроганная кухарка поклонилась со слезами на глазахъ барынѣ:

— Не оставьте, сударыня, сиротку.

Кучеръ тоже кланялся. Госпожа Деврентѣ цѣловала малютку, болтая что-то по нѣмецки, всюду мѣшая слово „миллій“, то обращаясь къ Михаилу Петровичу, то къ Акѣ, то къ кухаркѣ и кучеру. Кухарка, отеревъ слезы, въ полголоса обратилась къ Михаилу Петровичу:

— О чемъ говорятъ-то — неизвѣстно...

Помогъ г. Деврентѣ, явившись переводчикомъ своей супруги. Обращаясь къ кухаркѣ и кучеру, онъ объяснилъ имъ:

— Моя супруга, добрые люди, дозволяетъ вамъ въ свободное время, за то что вы были добры... добры къ сиротѣ, провѣдать ее... Заходите, и за доброту вашу, да наградить васъ Богъ...

Надо было уходить... Наступила какая-то тяжелая пауза молчанія, которую каждый изъ провожающихъ чувствовалъ и сознавалъ, что надо прервать и ни у кого не доставало на это духу... Деврентѣ улыбнулся провожатымъ:

— Ну... ребеночекъ будетъ въ хорошихъ рукахъ, горевать нечего... заходите, а теперъ...

Прислуга закланялась и попятилась къ дверямъ. Не-

благодарная малютка, не сознавая вѣроятно настоящаго положенія вещей, быть можетъ только въ смутномъ разсвѣтѣ своего младенческаго сознанія постигая, что ее перенесли съ кроваткой, слѣдовательно она будетъ почивать, а почивать, какъ и кушать ужъ тутъ, гдѣ добрая старушка съ похожимъ на ея лепеть языккомъ, гдѣ качается желтенькая птичка въ кольцѣ, куда ходить „Мись“ съ книжками, гдѣ такъ много-много веселыхъ мальчиковъ, гдѣ этотъ Пиголицынъ, будетъ ужъ тутъ, а не тамъ, гдѣ почиваетъ и кушаетъ „Мись“, гдѣ „буки“ и „дады“ — неблагодарная или слишкомъ практическая Акѣ, одна осталась повидимому совершенно спокойна. Сидя на рукахъ госпожи Деврентѣ, она съ любопытствомъ заглядывала въ залъ, быть можетъ сгорая желаніемъ поскорѣе увидѣть поближе птичку, потомъ стала искать „Бозиньку“ и увидѣвъ Его, долго и серьезно разсмотривала деревянное Распятіе... Когда же наконецъ „Мись“, понабравшись силъ, рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ и съ неестественнѣй улыбкой конвульсивно вздрагивающаго лица, какъ-то поспѣшно запрошалася, расшаркиваясь передъ господиномъ и госпожей Деврентами, чтобы распрошавшись, поскорѣе ужъ выбѣжать на улицу и тамъ дать волю слезамъ,—Акѣ не смутилась разлукой, но стала чрезвычайно серьезна, какъ бы что-то обдумывая. И вдругъ онъ услышалъ:

— Мись.

Онъ поднялъ на малютку глаза, застланные слезами, точно стеклами, и видѣлъ ее въ какихъ-то золотистыхъ кружочкахъ и дробящихся лучахъ... Слезы стекали съ глазъ на его розовыя щечки и тогда малютка представляла предъ нимъ серьезная, но не плачущая, смотря на него какъ бы грустными глазами, представляла на одинъ моментъ, чтобы затѣмъ снова погрузиться въ золотистые кружочки и массы дробящихся лучей... Въ слезахъ онъ не видѣлъ, какъ малютка наклонилась къ нему и упѣлившись рученками за его тонкую шейку, шепнула на ухо нѣжное „бать“. Тогда онъ смигнулъ слезы и съ мукительной скорбью посмотрѣлъ на розовое лицико Акѣ... Оно улыбалась съ примѣсью лукавства и шепнуло ему на ушко:

— Бись!

Это было выше слезъ!.. Михаилъ Петровичъ въ какомъ-то туманѣ расшаркался съ Деврентами и точно сквозь сонъ—уволилъ слухомъ какъ бы на этотъ разъ не строго звучащія слова Деврента, разрѣшившія ему навѣстить Акѣ въ ближайшую пятницу вечеромъ. Кажется даже не поблагодаришь за это, Михаилъ Петровичъ, не видя и не слыша ничего, стремглавъ вылетѣлъ сперва на дворъ, а потомъ на улицу, среди темноты и безлюдья которой далъ полную волю своимъ слезамъ. Онъ былъ одинъ: ангелъ, появившійся въ его домѣ въ неприхотливыхъ цвѣточкахъ русскихъ полей,

уложилась въ опредѣленныя рамки, какъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ. Превратившись изъ полновластнаго хозяина съ пріѣздомъ тetenыки въ младшаго члена семьи, Михаилъ Петровичъ сложилъ съ себя многочисленныя экономическая и хозяйственная обязанности,— съ переселенiemъ Акъ къ Деврентамъ—пересталъ быть воспитателемъ и предоставленъ былъ только заниматься собою самому себѣ. Какъ прежде онъ, заботясь о другихъ, не забывалъ и самого себя, такъ и теперь, когда собственно о немъ должны были заботиться старшіе, онъ, забытый въ этомъ отношеніи ими, долженъ былъ руководить собою самъ, не расчитывая на другихъ. Тetenыка жила не для него, а для себя и, сдѣлавшись полною хозяйкой въ домѣ племянника, оставила его безъ всякаго вниманія. Исключая ядовитыхъ замѣчаній относительно какихъ нибудь мелочей безъ постороннихъ и мягкихъ упрековъ въ томъ-же отношеніи—при гостяхъ,—Настурція не обращала на племянника ни малѣшаго вниманія. Какъ онъ учится, готовить-ли уроки, что читаетъ, куда ходитъ, надо-ли ему что сдѣлать,— тetenыка не интересовалась знать обѣ этомъ—и платила за племянника куда нибудь или покупала ему что либо только тогда, когда понуждаемый необходимостью—онъ самъ напоминалъ ей о томъ и обѣ этомъ. Давая деньги на самое необходимое, Настурція постоянно торговалась, хотя въ расходахъ вообще по дому,—какъ понималъ Михаилъ Петровичъ, но не высказывалъ,—была далеко не такъ сдержанна.

Съ кузинами, когда прошли первые дни ихъ пребыванія въ домѣ братца, послѣдній почти постоянно видѣлся только при гостяхъ и чрезвычайно рѣдко наединѣ. Гости отъ тetenыки почти не уходили и ихъ съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе: на импровизированныхъ вечеринкахъ теперь ужъ не танцевали кадриль въ двѣ пары, но въ шесть и восемь, при чемъ Губаревъ танцевалъ, а играла на роялѣ Настурція, оглашая залъ контрадансами на мотивы изъ „Цампы“ или „Бронзового коня.“ Лѣшинъ при этомъ дирижировалъ, а Михаилъ Петровичъ не танцевалъ, такъ какъ ловкій дирижёр каждый обыкновенный контрадансъ обращалъ въ монстръ, чуть не съ первой фигуры начиная разные сложные шены, разнообразя послѣдніе легкими танцами, дѣлающими для Михаила Петровича участіе въ кадрили невозможнымъ. Во время подобныхъ импровизированныхъ вечеринокъ Михаилъ Петровичъ, забытый всѣми, обыкновенно стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на танцующихъ или слушалъ пѣніе Сашеньки, куплеты произносимые съ подчеркивaniями Губаревымъ и хоръ распѣвающей „Стрѣлочки,“ при чемъ дирижеромъ опять таки являлся Лѣшинъ, пѣвшій самымъ низкимъ басомъ.

Модистка перешла платья и барышни поснимали трауръ, облекшись въ цвѣтное; одна Настурція пока оставалась вѣрна черному и креповому фрезамъ. Нерѣдко отправлялись и въ театръ, но Михаила Петровича при этомъ не брали, а приглашали въ ложу Лѣшина или Губарева. Тогда домъ отдыхалъ въ полуспѣтѣ и тишинѣ; сбившаяся съ ногъ прислуга собиралась въ кухнѣ; лампы тушили и только въ комнатѣ Михаила Петровича одиноко горѣла лампа, освѣщающая кругленькое лицо мальчика, склоненное надъ тетрадями классныхъ упражненій.

Встрѣчаясь съ кузинами безъ гостей, Михаилъ Петровичъ не видѣлъ отъ нихъ прежней любезности: онъ, чаще всего, молчали съ нимъ, разговаривая обѣ общихъ знакомыхъ, перебирая всѣ мелочи вчерашняго дня, сплетничая о-томъ и этомъ другъ съ другомъ и при участіи мамаші. Впрочемъ при постороннихъ и особенно мушинахъ, чаще всего Сашенька, а иногда и слѣдующая ея примѣру Катенька, периодами вспоминали братца, вдругъ ни съ того, ни съ сего становились съ нимъ предупредительны и любезны, скучали безъ него,

просили быть около нихъ, брали подъ руку, а Сашенька исполняла только для него *общанные* и *любимые* имъ романсы... При этомъ, какъ всегда, Настурція распиналась передъ гостями въ томъ, что привязанность ея дочекъ, особенно Сашеньки, къ братцу такъ велика, что онъ жить безъ него не могутъ и ужъ непремѣнно избѣгаютъ его... Михаилъ Петровичъ къ этому привыкъ и нисколько не удивлялся, когда Сашенька, доведя свою любезность съ нимъ до апогея, съ уходомъ кого нибудь изъ мужчинъ, чаще всего Лѣшина, вдругъ обрывала ее, становилась холодна и совершенно къ нему невнимательна. Что все это означало—Михаилъ Петровичъ не зналъ, но это вошло въ порядокъ вещей. Губаревъ характеризовалъ роль Михаила Петровича при Сашенькѣ въ его присутствіи словами, что онъ ея „chandelier,“ на что Сашенька отвѣтила улыбкой; что это могло означать, Михаилъ Петровичъ—не постигъ. По справкѣ во французскомъ словарѣ Рейфа оказалось, что chandelier значитъ—*подсвѣчникъ* и что Губаревъ слѣдовательно сказалъ вполнѣ безмыслицу, ибо какъ могъ Михаилъ Петровичъ служить для кузины подсвѣчникомъ,— отказывался понять всякий здравый разсудокъ.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ привлекали впрочемъ и Михаила Петровича къ участію въ забавахъ; но это дѣлали не кузины, а гости, чаще всего Лѣшинъ. Дѣжалось это обыкновенно, когда устраивались какія либо игры; но въ такомъ случаѣ играющіе забывали младшаго изъ игроковъ, выбирали другъ друга, того кто поинтереснѣе, а не его... Онъ сидѣлъ въ кругѣ забытый, развѣ изрѣдка, кто, случайно взглянувъ въ его сторону и вспомнивъ, что вѣдь и онъ играетъ, а можетъ даже почувствовавъ смутное угрызеніе совѣсти въ томъ, что тотъ, кому болѣе другихъ приличествуетъ играть,—сидѣть забытый,—вспомнивъ это, бросалъ въ него платокъ и выводилъ его изъ задумчивости:

— Я на тебѣ сердитъ, *Миша!*

Вся пикантность этой игры, особенно любимой у Перелѣтовыхъ, заключалась въ употребленіи играющими въ обращеніяхъ другъ съ другомъ—„ты“ и сокращеннаго имени: ты—Сашенька, ты—Катенька и пр. Съ проговорившагося, сказавшаго вмѣсто „ты“—„вы,“ брался фантъ. Игру эту всѣ очень здѣсь любили.

Такъ, казалось бы прочно и на долго, установилась жизнь Михаила Петровича дома, установилась какъ-то непривѣтно для него и одиноко: его маленькая Акъ унесла съ собою всѣ радости семейнаго очага, привѣтливый огонекъ котораго болѣе не согрѣвалъ и не освѣщалъ его жизни...

XXI.

Онъ видѣлся съ малюткой хоть на минуту всякой разъ, какъ только приходилъ въ пансионъ, а по пятницамъ проводилъ съ нею даже цѣлый вечеръ. Малютка поживала ничего себѣ, но съ того самаго времени, какъ перестала коситься на г. Деврента и привыкла къ нему, забрала себѣ въ голову слишкомъ много смѣлости, позволяя себѣ такого рода вещи, которыхъ никогда не допускала относительно самой себя даже Минна Карловна. Привлекаемая къ дверцамъ теплаго коридорчика, соединяющаго залъ г. Деврента съ пансиономъ, шумомъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ, Акъ дошла въ одно прекрасное утро до того, что отчасти ползкомъ, отчасти колеблясь на своихъ толстенькихъ ножкахъ, проникла въ этотъ коридорчикъ, прошла и проползла его и никѣмъ не замѣченная, довольно важно вступила въ помѣщеніе собственно уже пансиона. Ея глазамъ представалъ длинный коридоръ съ стеклянными дверями по обѣ стороны; изъ дверей несся смѣшанный гулъ тѣхъ самыхъ дѣтскихъ голосовъ, которые она слышала издали и которые влекли ее сюда; въ ожиданіи учителей мальчики были разсажены по классамъ, но занятія еще не начались. Акъ смѣло направилась къ ближайшему классу и неожиданно появилась въ дверяхъ не-

редь пораженными первоклассниками, изъ которыхъ Пиголицину при видѣ этой злодѣйки чуть не сдѣлалось дурно.

Классъ какъ бы онѣмѣлъ на мгновеніе, но вдругъ, пбросавъ вверхъ тетради и книги, грянулъ единодушнымъ и долго не смолкавшимъ—ура! Отдѣленные стѣнами второклассники и третьеклассники, не зная причины, поддержали привѣтственный крикъ, потрясшій стѣны заведенія. Виновница такой восторженной овациіи, довольная приемомъ молодежи, скромно улыбалась съ порога, не безъ лукавства поглядывая изподлобья на мальчиковъ. Увы! такое торжество продолжалось недолго: на восторженные крики прибѣжали гувернеры и воспитатели и увидѣвъ виновницу нарушенія классной дисциплины, подхватили её подъ мышки и оттащили подъ бдительный надзоръ Минны Карловны, которая долго и горячо читала наставленіе малюткѣ, стоявшей передъ ней въ молчаніи и съ опущенной головой, но ничего не понявшей изъ того, что ей говорила почтенная дама.

Опять былъ сдѣланъ и повторился при чрезвычайно смѣшныхъ обстоятельствахъ. Блѣдно-желтая птичка, старшая по лѣтамъ, но нисколько не превосходящая развитіемъ малютки, когда эта послѣдня вздумала поѣтить первоклассниковъ вторично и проникла въ теплый коридоръ, а оттуда въ большой коридоръ, порхнула вслѣдъ за ней и догнавъ ее у дверей первого класса, сѣла ей на плечо. Занятія уже начались и двери въ классы были затворены, но это не остановило малютку и она смѣло толкнула дверь. Еще не разсмотрѣвъ, кто это входитъ, и учитель и ученики, чествую входящаго, поспѣшили встать съ своихъ мѣстъ—и увидѣли малютку съ птичкой на плечѣ. Среди тишины оостолбенѣвшаго отъ неожиданного сюрприза класса, проѣзжѣлъ серебристый голосокъ малютки, указывающей мальчикамъ на плечо, гдѣ сидѣла птичка:

— Тица, — что несомнѣнно означало „тица“, слово выученное въ домѣ г. Деврента. И еще разъ Минна Карловна пришлось долго и горячо наставлять малютку на непонятномъ ей діалектѣ, причемъ Акѣ опять таки слушала старушку, опустивъ головку, но ничего не понимая.

Съ братцемъ Акѣ видѣлась, хоть не на долго, ежедневно. При этомъ малютка отличала Михаила Петровича отъ прочихъ мальчиковъ не только большимъ проявленіемъ по отношенію къ нему съ своей стороны душевнаго расположенія, но и чѣмъ-то похожимъ на *уваженіе* младшаго къ старшему. Малютка смотрѣла на Пиголицина и другихъ ему подобныхъ, кажется, какъ на равныхъ себѣ по развитію, если не менѣе; но ея отношенія къ Михаилу Петровичу отнюдь не напоминали заигрываній съ Пиголицинымъ и другими, но были отмѣчены нѣкоторымъ отѣнкомъ послушанія, серьезности и очевиднаго желанія повиноваться своему бывшему воспитателю. Только въ его присутствіи Акѣ и смолкала, переставала лазить по стульямъ и неустанно болтать всякий легкомысленный вздоръ съ блѣдно-желтой птичкой, чрезвычайно съ малюткой подружившееся. Акѣ смотрѣла на братца серьезно, тихонько садилась къ нему на колѣни и глядя въ его лицо любопытными глазками, разматривая его пристально — и по цѣлымъ часамъ, все какъ будто сбиралась о чѣмъ-то спросить Михаила Петровича, но не умѣла и не могла. Тогда, уставъ отъ продолжительного и долгаго созерцанія, Акѣ начинала болтать ножками, подзывающая къ себѣ птичку и о чѣмъ-то шепталась съ ней, по временамъ взглядывая на братца не безъ примѣси лукавства, какъ бы говорящаго ему: на-ка, пойми, о чѣмъ такомъ мы тутъ разговариваемъ!

Это случалось обыкновенно по пятницамъ, когда Михаилъ Петровичъ дольше оставался у Деврентовъ, приходя къ нимъ специальнно для того, чтобы провести съ Акѣ вечерокъ; обыкновенно же—встрѣчи были коротки,

но отличались искренностью и теплотой, одинаковыми съ обѣихъ сторонъ. Акѣ бросалась къ братцу, обнимала его ручenkами и целовала съ криками:

— Бать! Мись!

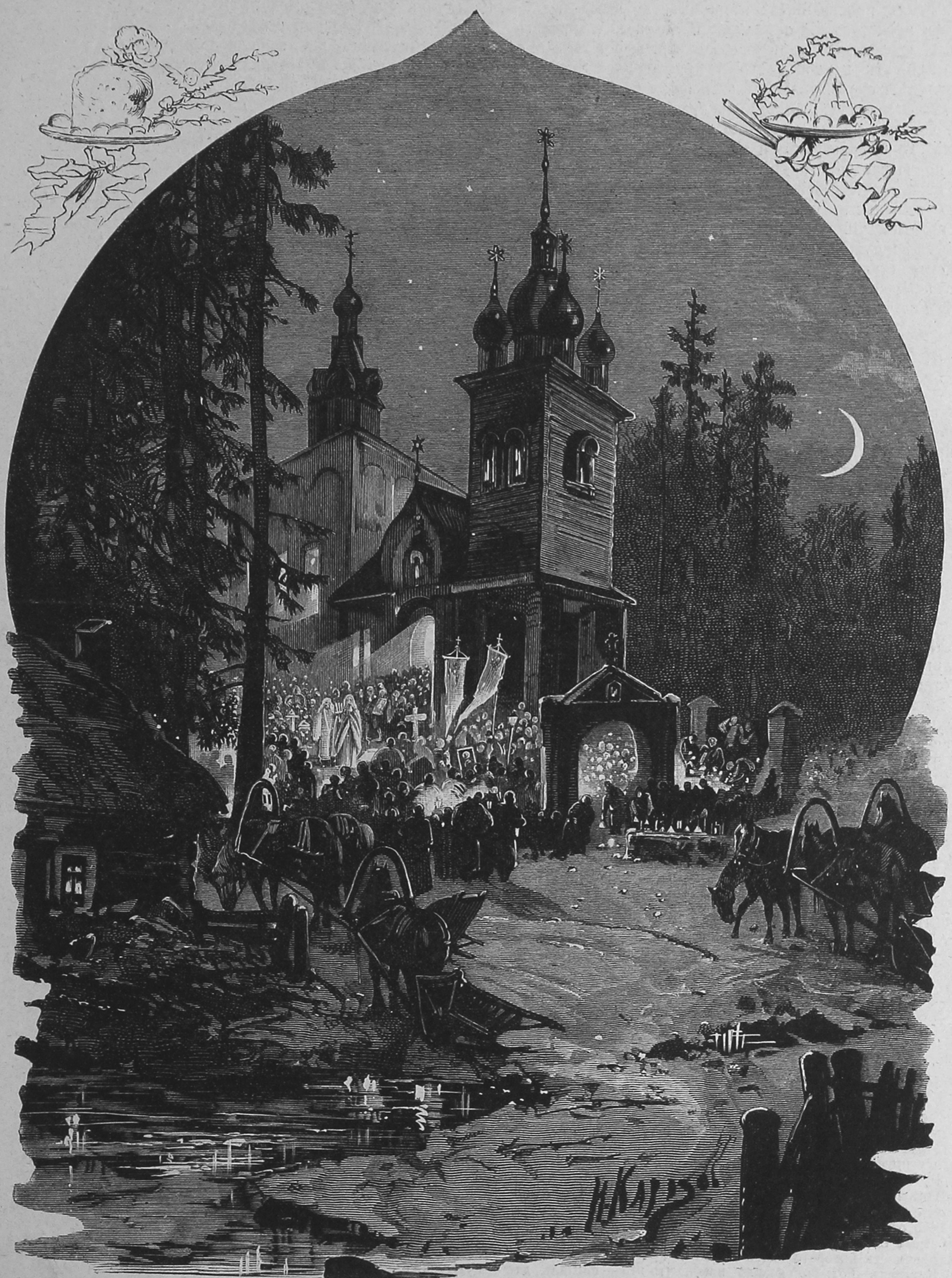
Онъ тоже отвѣчалъ ей поцѣлуями, спрашивая здорова ли она? весела ли? на что малютка утвердительно, кивая головкой, отвѣчала ему вопросомъ о „дадахъ“, которыхъ не забывала, хотя по недосугу „дады“ рѣдко посѣщали ее, всякий разъ являясь съ какимъ нибудь гостинцемъ. Михаилъ Петровичъ говорилъ обыкновенно:

— Дады придутъ, непремѣнно придутъ...

Затѣмъ новые поцѣлуи и объятія, новая восхищенія со стороны малютки — „бать! Мись!“ и затѣмъ прощеніе... „Мись“ уходилъ, а Акѣ смотрѣла за нимъ въ окно, кланяясь и посыпая ему въ слѣдъ поцѣлуи ручкой.

Но по пятницамъ—Михаилъ Петровичъ просиживалъ съ малюткой отъ шести до девяти часовъ вечера, оставляя ее уже уложенною въ постельку и отъ желанія спать сдѣлавшееся какой-то глупенькой и какъ-бы безтолковой. Въ пятницу у Деврентовъ собирались общество, преимущественно мужчины и двѣ-три дамы изъ нѣмокъ, сверстницы Минны Карловны, въ теченіи всего вечера неустанно работающія длинными деревянными спицами и крючками съ наклоненными надъ вязаньемъ посѣдѣлыми головами, прикрытыми чернымъ или бѣлымъ кружевомъ. Дамы усаживались около переддиванного стола, работая подъ мягкимъ свѣтомъ молочнаго аба-жура, прикрывающаго яркое пламя столовой лампы въ видѣ этруссской вазы изъ блестящей бронзы. По темно-малиновой бархатной скатерти стола раскладывались узоры и мотки берлинской шерсти, руки приходили въ движение, головы склонялись и губы шептали по временамъ счетъ крестикамъ и петелькамъ... Поодаль сидѣли мужчины: добрѣйшій аптекарь Цимзенъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, совершенно лысый, съ двойнымъ подбородкомъ и весьма солидныхъ размѣровъ брюшкомъ, — докторъ Карльгофъ, членъ врачебной управы, сѣдой, какъ лунь, красноватый лицомъ, съ большими свѣтло-голубыми глазами на выкатъ и съ постоянно полуоткрытымъ ртомъ, — пасторъ лютеранской церкви Пробстъ, семидесятилѣтній миниатюрный старичокъ въ бѣлыхъ полисонахъ, съ повязанною около шеи черною шелковой косынкой, типомъ своимъ напоминающій симпатичные облики Александра Гумбольдта и академика Бера на закатѣ ихъ дней. Были и русскіе: учитель исторіи въ пансионѣ г. Деврента и гимназіи нѣкто Рождественскій, высокій брюнетъ изъ бывшаго петербургскаго педагогическаго института, превосходный самородный басъ, одаренный хорошимъ слухомъ и нѣкоторымъ вкусомъ исполненія, и учитель рисованія Осиповъ, плохой художникъ и еще худший портретистъ, нарисовавшій Минну Карловну съ румянцемъ на ея сморщеныхъ щекахъ до такой степени нѣжнымъ и дѣвственнымъ, что онъ не уступалъ, а даже превосходилъ колеромъ розу, которую художникъ заставилъ нюхать на портретѣ Минну Карловну съ самымъ мечтательнымъ видомъ. Осиповъ былъ кроткій и молчаливый человѣкъ и имѣлъ слабость выивать, что очень огорчало Минну Карловну, чрезвычайно къ художнику по добротѣ своей расположеннюю. Когда Осиповъ приходилъ, то обыкновенно садился рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ и маленькою Акѣ, пребывая весь вечеръ въ молчаніи, только по временамъ улыбаясь своей шаловливой сосѣдкѣ.

Было что-то мечтательное и тихое въ этой бесѣдѣ прилежно работающихъ женщинъ около стола съ лампой и сидящихъ отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи мужчинъ... Говорили поочередно, не торопясь, взвѣшивая каждое слово и обдумывая отвѣтъ. То былъ отвлеченій языкъ метафизики Якова Бёме, шепотъ объятыхъ тишию субботняго покоя, обыкновенно занятыхъ жизненными дрягами людей, которые собрались сюда, чтобы не только отдохнуть, но и подумать о чѣмъ-то

Крестный ходъ въ старинной лѣсной церкви въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе.
Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Ратевскій.

болѣе высшемъ, нежели окружающая ихъ дѣйствительность. Они говорили быть можетъ отвлечено и тяжело, но въ этихъ пространныхъ оборотахъ, въ этихъ безтѣлесныхъ представленияхъ условій и явленій, слышалось высокое стремленіе души, освободившись отъ грѣховъ міра, взлетѣть къ той Голгофѣ нравственной чистоты, достигнувъ которой человѣкъ становится ближе къ Богу, къ истинѣ и свѣту... Бесѣдѣ прекрасно отвѣчала и музыка, которую почти постоянно занимались на этихъ вѣчерахъ. То была строгая и чистая по стилю, но страстная по выраженію ораторія первой половины прошлого вѣка,—та Passions Muzik Баха и Генделя, въ которую геніальные композиторы вложили всю скорбь, весь патетический вопль, все рыданіе наболѣвшей души человѣка, ищущей излиться въ страстной исповѣди. У Деврента стоялъ въ залѣ органъ, за который садился пасторъ Пробстъ—и звуки мужскаго хора рядомъ торжественныхъ, набѣгающихъ другъ на друга возгласовъ—раздавались въ залѣ, аккомпанируемые органомъ:

Ich hatte viel Bekümmerniss
In meinen Herzen!.. *).

взвывали басы и баритоны мужчинъ, раздирающимъ воплемъ взлетая къ небесамъ, причемъ доминировалъ конечно басъ Рождественского, въ ранней юности бывшаго архіерейскимъ пѣвчимъ. Хоръ кончалъ какимъ-то могучимъ вздохомъ скорби и подъ тихіе звуки органа вибрирующее, старческое сопрано Минны Карловны, довольно еще сохранившееся для ея почтенныхъ лѣтъ, выдѣлялось въ слезномъ соло рядомъ отрывочныхъ степеній:

Seufzer, Thränen,
Kummer, Noth,
Seufzer, Thränen, ängstlich's Sehnen,
Furcht und Tod... **)

Лица мужчинъ были серьезны и важны, женщины шептали, работая крючками и спицами, отрывочная восклисанія въ родѣ: „Prachtvoll!.. Wunderschön!“ и всѣ отыхали усталою душой и просвѣтились чистотою мысли этихъ могучихъ хораловъ, этого Евангелія музыки... Точно простой, но мудрый Евангелистъ спускался на землю и развернувъ передъ собравшимися свою Вѣчную Книгу, читалъ имъ одну изъ трогательныхъ главъ заключающейся въ ней повѣствованія.

Михаилъ Петровичъ если не вполнѣ понималъ, то догадывался о настоящемъ смыслѣ этихъ торжественныхъ минутъ, въ которыхъ Девренты умѣли соединить эстетическое наслажденіе классической музыкой съ родомъ упражненія въ нравственномъ совершенствованіи. Пока продолжалась музыка и пѣніе, онъ и сидящій рядомъ съ нимъ въ одномъ изъ уголковъ зала Осиповъ, оставались безгласны и недвижимы, являя собою нѣкоторое подобіе каменныхъ изваяній; но малютка Акѣ не слѣ-

довала ихъ примѣру. Маленькая реалистка, не находя ничего хорошаго въ этихъ слезныхъ стенаніяхъ скорбной души, еще кое-какъ выносila хоръ, во время котораго, совершенно впрочемъ некстати, тамъ, гдѣ шелъ ускоренный темпъ, начинала подпрыгивать и раскачиваться на колѣняхъ Михаила Петровича, какъ этотъ послѣдній ни останавливалъ ее; когда же хоръ оканчивался, начиналось соло сопрано или баса, Акѣ истощалась терпѣніемъ, зѣвала во всеуслышаніе, ни съ того, ни съ сего начинала болтать о чёмъ-то своимъ таловыемъ язычкомъ, выказывая всѣ признаки нетерпѣнія, чтобы всѣ это поскорѣе окончились и радостно всхлопывала въ ладошки, когда раздавалось наконецъ „Alleluja, Amen!“ и органъ замиралъ тихимъ аккордомъ. Этотъ апплодисментъ малютки, не означающій одобрѣнія хорошему исполненію, а удовольствіе, что музыка и пѣніе наконецъ окончились, чрезвычайно смущалъ Михаила Петровича, тѣмъ болѣе, что раздавался среди общаго молчанія и его всѣ отлично слышали.

Онъ, этотъ дѣтскій апплодисментъ, напоминалъ о землѣ взлетѣвшимъ къ небесамъ душамъ, заставлялъ ихъ спуститься оттуда и подумать о грѣховномъ тѣлѣ. Тогда всѣ переходили въ столовую, гдѣ длинный столъ блестѣлъ бѣлизною скатерти, томпаковымъ самоваромъ и разставленными по подносу гранеными стаканами съ серебряными вызолоченными ложечками. Тутъ маленькая Акѣ разлучалась съ Михаиломъ Петровичемъ, такъ какъ ее сажали на высокій стульчикъ около Минны Карловны и обвязывали салфеткой, положивъ передъ нею предварительно, въ предохраненіе чистоты скатерти, довольно обстоятельныхъ размѣровъ kleenчатый коричневый подносикъ; Михаилъ Петровичъ и Осиповъ садились обыкновенно на противоположномъ отъ хозяйки и малютки концѣ стола. Акѣ оставалась скромной пока кушала сладкіе крендельки, но насытившись и не особенно охотно попивая изъ розовой чашечки молоко, не стѣсняясь разстояніемъ, отдѣляющимъ её отъ братца и присутствіемъ почтенного возраста гостей, то и дѣло чего-то кричала ему и Осипову безъ малѣйшей надобности, пока часы не пробивали серебристымъ боемъ девять разъ и малютку не относили въ ея опочивальню.

Такъ подростала мало по малу эта легкомысленная особа, съ легкостью уживаясь въ свой не особенно продолжительный еще вѣкъ съ разными образами жизни и различными по характеру людьми. Дни шли за днями и близилось Рождество, тѣмъ непріятное для Михаила Петровича, что съ простоянкой занятій въ пансіонѣ г. Деврента по случаю праздниковъ почти на двѣ недѣли, ему предстояло видѣться съ Акѣ уже не ежедневно, а только по пятницамъ. Малютка обѣ этомъ обстоятельствѣ вѣроятно и не помышляла.

(До слѣд. №).

Предатель.

Исторический разсказъ.

М. Лилля.

(Окончаніе).

Реймеръ быстро собралъ людей и вскорѣ уже былъ, во главѣ довольно значительного отряда воиновъ, на томъ мѣстѣ укрѣленія, гдѣ, наканунѣ, подмѣтилъ таинственную работу. Солдаты стояли у бруствера, но ихъ команда не было съ ними.

— Гдѣ Карстенъ Гольмъ? спросилъ Реймеръ.

— Онъ направляетъ орудія; непріятель, какъ кажется, наступаетъ съ этой стороны, отвѣчали ему.

— Что означаетъ этотъ сигналъ?

Съ этими словами онъ схватилъ водруженное въ землю копье, на оконечности которого вился длинный красный флагъ.

— Карстенъ Гольмъ сказалъ намъ, что это — сигналъ для Изѣранда, объяснилъ одинъ изъ солдатъ; какъ только флагъ будетъ спущенъ — къ намъ придуть подкрѣпленія.

— Объ этомъ ничего Вольфу Изѣранду неизвѣстно, сказалъ Реймеръ, — тутъ кое-что происходитъ не такъ, какъ должно;

* Великою скорбью полно мое сердце!..

** Вздохи, слезы, заботы, нужда, смертное горе, страхъ и смерть... (Кантата Баха).

что означаетъ этотъ пробой въ насыпи, которую мы могли возвести только при помощи всѣхъ нашихъ силъ?

— Брехъ мы сдѣлали прошлую ночью по приказу мельника, отвѣчалъ снова тотъ же солдатъ; — она была проложена для того, чтобы облегчить намъ вылазку противъ непріятеля.

— Вылазка съ такою кучкой людей дорого обошлась бы Карстену, воразилъ молодой военачальникъ; — онъ порядочно всѣхъ вѣстъ тутъ надулъ.

— Я только что хотѣлъ просить о подкрѣпленіяхъ и ты — какъ разъ кстати! воскликнулъ мельникъ, подходя въ эту минуту; кажется, тѣ господа имѣютъ виды на насъ.

— Твое требование о подкрѣпленіи, навѣрно, пришло бы слишкомъ поздно; прежде, нежели оно могло бы явиться — непріятель ужъ давно былъ бы на валу. И съ какихъ это порѣдитмарсенскіе военачальники, вмѣсто того, чтобы носить свои шарфы черезъ плечо — оставляютъ ихъ, въ дождь и снѣгъ, висѣть на оконечности копья?

Реймеръ устремилъ свой пронизывающий взглядъ прямо въ лицо Карстена Гольма; тотъ сначала страшно поблѣднѣлъ, но затѣмъ быстро оправившись, возвратилъ себѣ всю свою самоувѣренность.

— Развѣ ты присланъ сюда, чтобы меня допрашивать какъ школьника? воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ; — довольно того, что Вольфъ Изебрандъ знаетъ — для чего этотъ кусокъ красной матеріи развѣвается тамъ наверху, но извѣстна ли тебѣ причина или нѣть — это не важное обстоятельство.

— Мы обѣ этомъ поговоримъ съ тобой послѣ, а теперь главный начальникъ нашъ приказываетъ тебѣ отдать мнѣ твоё оружіе. Карстенъ Гольмъ — ты мой пленникъ; солдаты, вы — больше не подчиняется этому человѣку.

Мельникъ, отступивъ на шагъ, быстрымъ движеніемъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ, но въ то же мгновеніе, Реймеръ схватилъ его за обѣ руки и скжали ихъ съ такой силой, что тотъ немедленно же выпустилъ оружіе.

— Четвертыхъ сюда! приказалъ фонъ-Вимерштедтъ, — человѣка этого отведите и держите подъ строгимъ карауломъ; завяжите ему глаза, его не можетъ интересовать — кто одержитъ тутъ побѣду, но — вы отвѣчаете мнѣ за него головой. Ну, а теперь, дитмарсены, примемъ голштинскихъ крупоядовъ такъ, чтобы имъ жарко сдѣлалось!

Въ сопровожденіи надежнѣйшихъ изъ своихъ ратныхъ товарищъ, Реймеръ осмотрѣлъ всѣ пушки; онѣ были наведены слишкомъ высоко и, поэтому, не могли бы подымаящемуся снизу непріятелю нанести ни малѣйшаго вреда; онѣ тотчасъ же даль имъ должное направленіе, приказавъ артиллеристамъ обстрѣливать именно тѣ части канавы, гдѣ доступъ былъ облегченъ.

Тѣмъ временемъ, непріятель подступилъ уже такъ близко, что можно было различать, въ его рядахъ, отдѣльныхъ людей, и Реймеръ, по украшеніямъ на шлемѣ и многочисленной свитѣ, узналъ, что въ числѣ штурмовавшихъ находился герцогъ Фридрихъ Голштинскій. Очевидно — красный шарфъ на копье служилъ имъ указаніемъ слабаго пункта, такъ какъ штурмовыя колонны строились прямо противъ него. Быстро и легко была засыпана и пройдена первая канава, но Реймеръ началъ пальбу только тогда, когда атакующіе приблизились ко второму рву. Ужасъ, казалось, овладѣлъ непріятельскими солдатами, почувствовавшими на себѣ уничтожающее дѣйствіе огня, котораго, явно, не ожидали тутъ; съ минуту ониостояли въ нѣрѣшительности, но затѣмъ, все таки, бросились впередъ и ихъ воинственный кликъ грознымъ гуломъ урагана пронесся по всей равнинѣ.

Реймеръ не велѣлъ снимать предательского сигнала мельника, желая вѣрнѣе залучить непріятеля въ засаду, но послѣдній напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы достигнуть цѣли. Брешь наполнилась сражающимися и сколько враговъ дитмарсены ни были, на мѣстахъ убитыхъ являлись новые, а за ними стояли еще сотни, готовыя на смѣну утомившихся или убитыхъ. Осажденные дрались какъ львы, всякий взмахъ копья или меча стоилъ жизни врагу, но, наконецъ, юный вождь, къ своему ужасу, уѣдился, что его землякамъ не устоять противъ подавляющаго перевѣса непріятеля, къ которому каждую минуту подходили свѣжія силы. Съ неменьшимъ ужасомъ разглядѣлъ Реймеръ, наблюдавшій съ бруствера общій ходъ битвы, что и въ центрѣ оборонительной линіи, гдѣ начальствовалъ Вольфъ Изебрандъ, гвардія возобновила штурмъ и, казалось, на этотъ разъ успѣшна; поэтому онъ отказался отъ мысли требовать у Изебранда подкрепленій, не желая ослаблять положеніе главнокомандующаго.

Гвардія, наученная первымъ опытомъ, захватила теперь съ собой больше осадного материала, такъ что уже не приходилось возвращаться за нимъ для засыпки второго рва. Раздраженные до крайнихъ предѣловъ энергическимъ отпоромъ осажденныхъ, неудержимымъ потокомъ хлынули они впередъ, перешли ровъ и, какъ кошки, полѣзли они по откосамъ шанца вверхъ, гдѣ ихъ ждали дитмарсены. Завязалась страшная, кровавая схватка, но и тутъ сила должна была одержать верхъ, и уцѣлѣвшимъ дитмарсенцамъ оставалось или класть оружіе, или спасаться въ бѣгствѣ.

Въ эту минуту показалась, окруженнай небольшимъ отрядомъ воиновъ, юная, прелестная дѣвушка въ шлемѣ и панцыре, съ маленькимъ золотымъ распятіемъ, сиявшимъ въ высоко поднятой правой руке. Сошедшімъ съ неба ангеломъ казалась Тельза Воллерзинъ; она спокойно вступила туда, гдѣ всего яростнѣе кипѣлъ бой, и всюду, гдѣ ни появлялась — врагъ отступалъ въ слѣномъ страхѣ, а ея братъ вдохновлялся новымъ мужествомъ. Крикомъ торжества привѣтствовали дитмарсены свою героиню и дружнымъ напоромъ въ копья опрокинули передовые ряды уже близко бывшихъ у цѣли гвардейцевъ; тѣ, бросившись внизъ, смяли заднихъ и побѣдный кликъ осажденныхъ вселилъ въ нихъ такой ужасъ, что, считая все потеряянными, они окончательно обратились въ бѣгство. Штурмъ былъ отбитъ.

Вольфъ Изебрандъ, съ наряженіемъ вниманіемъ все время смотрѣвшій на западъ, замѣтилъ наконецъ, что вода, хлынувшая чрезъ отворенные шлюзы, медленнымъ, но неудержимымъ широкимъ потокомъ двигалась по долинѣ. Онъ ждалъ только этой минуты.

— Ну — дѣти, впередъ! нашъ союзникъ — море — выступило въ походъ и идетъ на врага! Впередъ! Отмстимъ за Виндергскихъ и Мельдорфскихъ убитыхъ!

Далеко разнеслись слова храбраго вождя, тотчасъ же спустившагося съ бруствера и ударившаго, во главѣ Гейдской, Вѣрденской, Геммингштедтской и другихъ дружинъ, на отступавшаго непріятеля.

Въ лихорадочномъ волненіи слѣдилъ за сценой Реймеръ. Увидѣвъ Тельзу и обратное движеніе атакующихъ, услыхавъ радостные клики дитмарсенцевъ, онъ обратился къ своимъ солдатамъ:

— Наши побѣждаетъ; впередъ — не отстанемъ и мы отъ своихъ!

Отрядъ Вимерштедта съ розмаха кинулся на все еще храбро штурмовавшую этотъ пунктъ колонну голштинцевъ, смяль ее отчаяннымъ натискомъ и быстро прогналъ за канаву. Между тѣмъ, выстрѣль за выстрѣломъ продолжалъ сверху громить непріятеля, сѣя въ его густыхъ рядахъ безпорядокъ; голштинцы, не будучи, наконецъ, въ состояніи выдерживать смертельный огонь, отступили и за второй ровъ. Реймеръ, рѣшивъ тогда перейти, подобно Вольфу Изебранду, въ наступленіе, повелъ свои дружины во флангъ непріятеля, пользуясь тѣмъ, что пушки обстрѣливали съ фаса. Въ ту самую минуту, когда онъ уже готовился атаковать, появилась Тельза, уже достаточно воодушевившая воиновъ Изебранда; высоко поднявъ распятіе, она быстро пошла впереди войска; Реймеръ шелъ рядомъ съ ней, чтобы, согласно обѣту, защищать ее въ случаѣ опасности. Видѣ облеченней въ блестящее вооруженіе дѣвушки, безстрашно стремившейся на встрѣчу смерти, произвелъ и тутъ поражающее впечатлѣніе на врага; непріятельские солдаты приняли ее за сверхъестественное существо, ниспосланное свыше:

— Противъ людей мы будемъ биться, пока рука способна держать мечъ, но противъ духовъ — не пойдемъ! воскликнулъ одинъ изъ храбрѣйшихъ голштинскихъ военачальниковъ, отдавая своей дружинѣ приказаніе отступать; его примѣру послѣдовали остальные и вскорѣ почти все голштинское войско обратилось вспять, тѣхъ же, которые еще пытались было держаться, смяли дитмарсены, слѣдовавшіе всюду съ слѣпой вѣрой, куда ихъ велъ святой символъ. Съ такою же удачей шло и движеніе Вольфа Изебранда. Вдругъ, среди враговъ пронесся крикъ ужаса: „Вода, вода, — назадъ, назадъ!“ и вся армія шарахнулась въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

И дѣйствительно, Питеръ Аренсъ выполнилъ данное ему порученіе — вода прибывала, шумъ набѣгавшихъ волнъ становился съ каждой минутой все отчетливѣе и грознѣе. Голштинцы и датчане смыкались окончательно; охваченные дикимъ, паническимъ страхомъ, они бѣжали, опрокидывая другъ друга, то упавшимъ, раненымъ и убитымъ, не обращая вниманія ни на какія преграды, — ни на пушки, ни на возы и другія боевые принадлежности; тѣмъ временемъ, вѣтеръ превратился въ бурю, дождь — въ снѣгъ, крутившіеся хлопья которого спустились ледянымъ налетомъ на дикую сцену хаоса.

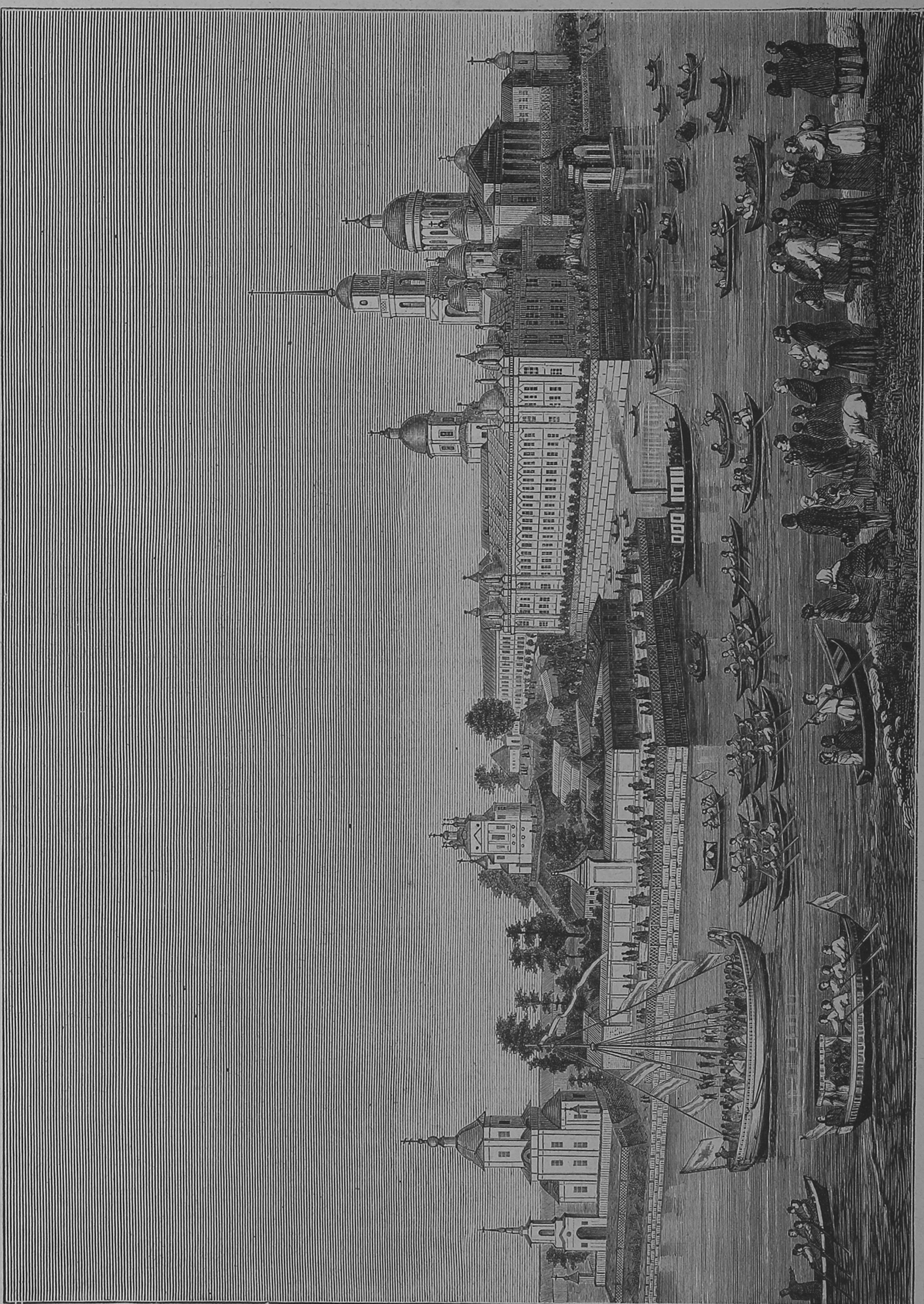
Хроникъ Іоаннъ Адельфи, по прозванию Neocorus, удостоился сказать, что въ этомъ сраженіи со стихіей, уцѣлѣла едва четвертая часть союзного войска; геройски пали юнкеръ Сленицъ, храбрый вождь „гвардіи“, оба графа Ольденбурга, Эббе Гейсъ, почти всѣ шлезвигъ-голштинскіе рыцари, мужественный Гансъ Алефельдъ, вмѣстѣ съ охранной дружиной, дорого продавъ свою жизнь. Весь лагерь и обозъ достались побѣдителямъ, вскорѣ затѣмъ весело отпраздновавшимъ въ Мельдорфѣ свое торжество надъ иноземнымъ нашествіемъ.

IX.

Два мѣсяца прошло со дня кровавой битвы на Геммингштедтской дорогѣ; миръ былъ заключенъ и все приняло обычный видъ. Въ равнинѣ зазеленѣло, деревья одѣлись въ свой весенний нарядъ изъ цвѣтовъ; на болотистой низменности важно и степенно расхаживали стаи аистовъ; въ ясномъ, чистомъ воздухѣ весело щебетали, чирикали и трещали зяблики и дрозды; повсюду, въ лѣсахъ, по полямъ и нивамъ зарождалась новая, свѣтлая, радостная жизнь и дитмарсены разсѣялись теперь по своимъ пашнямъ, счастливые окончанію войны.

Этотъ солнечный праздникъ природы не проникалъ въ темную залу Гейдской ратуши; тамъ сидѣли важные и серьезные мужи въ длинныхъ одѣяніяхъ, собравшіеся, чтобы судить человѣка, угрюмая фигура котораго помѣщалась на деревянной скамьѣ, стоявшей нѣсколько въ сторонѣ. То былъ Карстенъ Гольмъ; обвиненный въ измѣнѣ, онъ ждалъ рѣшенія своей участіи отъ приговора судей. Сраженіе при Геммингштедтѣ и его послѣдствія — дѣлѣ же добычи, погребеніе убитыхъ и, наконецъ, мирные переговоры замедлили ходъ процесса мельника, до того дня оставляя его въ неизвѣстности относительно ожидавшей его судьбы; дѣло велось съ большою осторожностью и вниманіемъ, такъ какъ Карстенъ Гольмъ принадлежалъ къ числу людей, пользующихся значеніемъ.

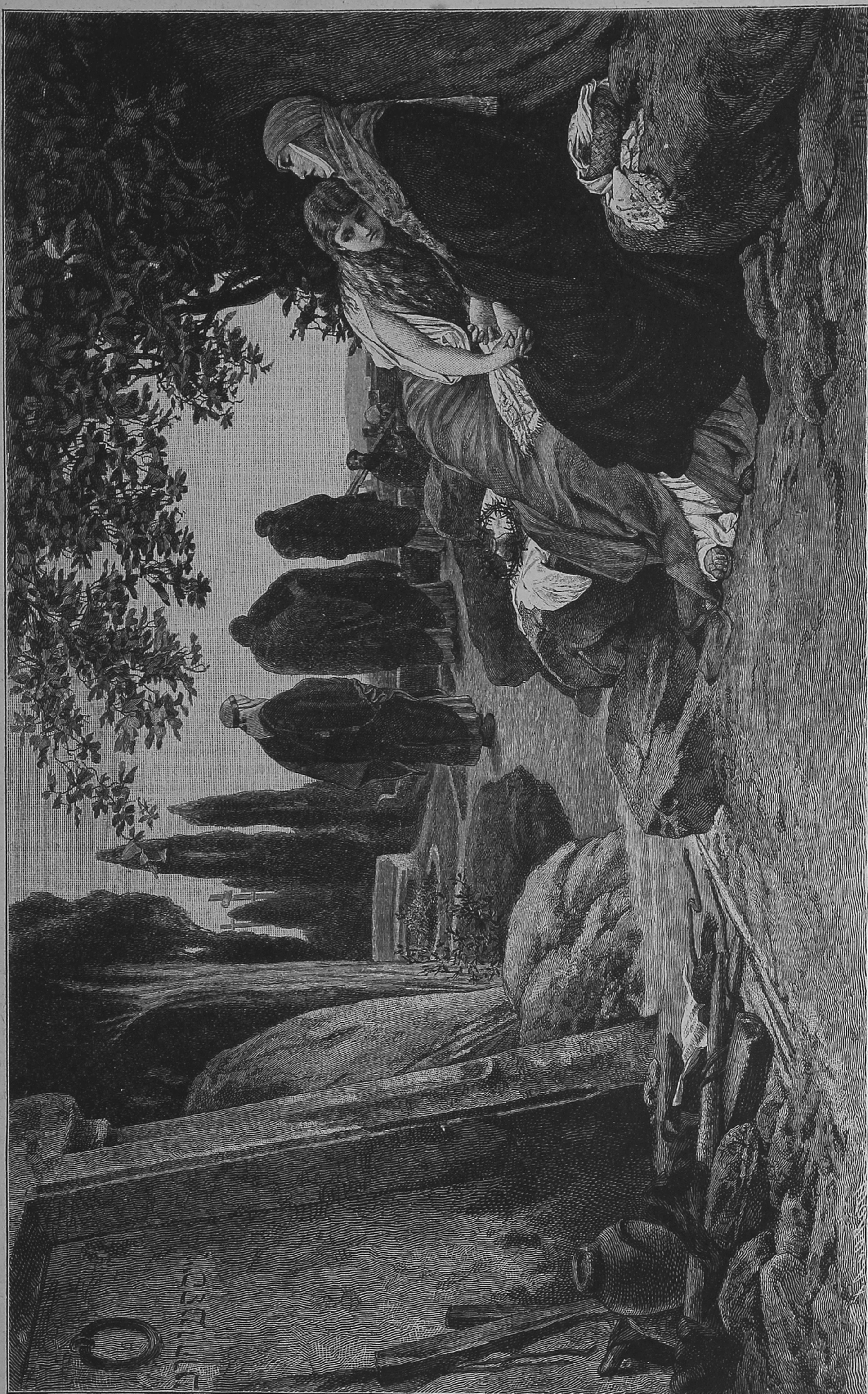
Настойчиво и упорно опровергалъ обвиняемый показанія важнѣйшаго свидѣтеля — Реймера фонъ Вимерштедта, стоя на томъ, что Реймеръ — его личный врагъ; но показанія другихъ свидѣтелей такъ ясно убѣждали въ его виновности, что никто уже

Видъ Ниловой пустыни, на озерѣ Селигерѣ, близъ Осташкова (Тверск. губ.).

Съ фотографии Лайтева, грав. М. Рашевский.

Лит. А. С. Соловьев. Карт. А. С. Соловьев. Грав. М. Рашевский.

Святые жены у гроба Христова. Ориг. рис. А. Бауера, грав. О. Ротъ.

и не сомневался и, мало по малу, крайнее раздражение овладевало сбывающейся со всех сторон толпой зрителей; их удивляла мысль о том, чтобы дитмарсенец мог изменить своему господарю и отечеству.

Мертвая тишина воцарилась в зале, когда старший судья прочел приговор: Карстен Гольм был присужден к видимому постановлено было конфисковать в пользу государства, а имя выставить на позорном столбе на торговой площади в Гейда; на основании государственной книги законов, он имел право апелляции, и воспользовался этим правом, для того только, чтобы хоть немного еще продлить себе жизнь, зная хорошо, что ему нечего было ждать перемены приговора.

Но—как все произошло вопреки его расчетам! Мысль эта овладела мельником, когда он снова очутился в своей мрачной тюрьме; он приходил в бешенство, вспоминая о Реймере, об обиде, нанесенной им ему у окна Тельзы, о том, что и из-за него он присужден к позорной смерти.

Осужденный уже давно был уведен, разошлись один за другим и судьи, но—присутствовавшие там зрители остались, так как после судебного заседания должно было происходить открытое заседание совета; к числу их присоединилось и несколько духовных лиц; ждать им пришлось недолго—члены совета вскоре появились, заняв места, на которых незадолго перед тем сидели судьи; бургомистр поднялся и объявил, что прочтет рескрипт, которым Бременский архиепископ удостоил дитмарсенцев. Всё встали, чтобы выслушать милостивое слово своего государя.

В рескрипте, князь-архиепископ воздавал хвалу и выражал благодарность своим венным дитмарсенцам за храбрость, с которой они отстояли независимость и неприкословимость владений княжества; вместе с тем, он слал свое разрешение и благословение для учреждения женского монастыря.

Затем, совет, с участием священников, приступил к обсуждению вопроса о монастыре; ввиду отсутствия других инокинь, кроме одной, еще не постриженной Тельзы, большинство членов совета предложили основать в Гейда, вместо женского монастыря, мужской, решив обратиться к Мельдорфским францисканцам с просьбой отдать от себя часть братии.

— На это надо согласие нашего архиепископа, замечти старший священник.

Из толпы зрителей вышел Реймер фон Вимерштедт.

— Я берусь выхлопотать согласие нашего государя, если вы, господа советники, мните даете выше разрешение на то, сказал он,—Бремен—не на краю света и мой боевой конь свозить меня туда и обратно не более двух недель.

Рано на следующий день, когда жаворонки только что пришли за свои утренние песни, у окошка дома фогта Воллерзина постучал всадник и, вслед за тем, звучный голос весело крикнул:

— Тельза—не грусти, скоро увидимся снова!

Когда молодая девочка отворила окно—ея бывший жених уже мчался по дороге. Долго смотрела она влажным взглядом ему вслед. Ея сердце сильно забилось при виде статной фигуры молодого воина, гордо сидевшего на своем веном боевом коне; она поклялась быть его женой и другом во всю их жизнь, идти, всегда и во всем, рядом с ним, делить с ним радость и горе. А—теперь, теперь ея счастье разрушено! С того дня, что венчальное расписание было с торжественной церемонией возвращено в Гейдскую церковь и там возложено на алтарь, с того дня Тельза становилась все более и более серьезной и молчаливой, все более и более уходила в себя, сосредоточиваясь на мысли о высоком назначении, которое ее ожидало; правда, желание оставаться с своим отцом, жаждя жизненных удовольствий, мирского счастья говорили сильно в ней порой; она боролась с этими тайными стремлениями и тяжела была ей эта борьба; утомленная, она, с нетерпением, ждала, чтобы постройка монастыря была скорее окончена и она нашла бы в его стенах успокоение, которого так желала.

Был теплый майский день, когда у дома Вёрденского фогта снова послышался топот лошадиных копыт; вслед за тем, в комнату вошел молодой человек, запыленное платье которого указывало, что он прямо с дороги. Тельза вся вспыхнула, узнав в вошедшем Реймера; юный воин быстро приблизился к ней и взял ее за руку.

— Ты опять смущаешь меня, Реймер, сказала она, вырывая руку,—к чему бередишь старую раны?

— О старых ранах нечего уж говорить, Тельза! возразил он,—вот средство, которое их излечить.

И из висевшей у него с боку кожаной сумки он достал две бумаги, из которых одну развернул перед удивленной девочкой; к пергаменту была прикреплена на цветном шнурке восковая печать, помеченная в деревянный футляр.

— Ты не будешь монахиней, воскликнул он,—и надеялся подвенечное платье, а не облачение инокини—вот, тут это

ясно написано: государь наш, архиепископ освобождает тебя от твоего обета, а в другой бумаге разрешает выстроить мужской монастырь вместо женского.

Изумленная Тельза не хотела всплыть, но взглянув в бумаги, увидела, что все было так, как говорил Реймер.

— Где мой отец, Тельза? спросил юноша;—пусть он первый узнает о нашем счастьи.

— Он—в Гейде, в совете—судят Карстена Гольма, и если мы поторопимся, то застанем еще всех советников в заседании; ты успеешь передать им и повеление архиепископа.

Несколько минут спустя молодые людишли уже по дороге в столицу северного Дитмарсена.

Зала ратуши вновь была переполнена зрителями, собравшимися выслушать окончательное решение дела Карстена Гольма; апелляция его была отвергнута; постановление совета только что было объявлено и присутствующие собирались уже расходиться, когда в залу вошел Реймер рука об руку с Тельзой.

Молодого человека обступили со всех сторон, поздравляясь счастливым возвращением, забрасывая вопросами; появление девушки внушило некоторое удивление—ее уже отвыкли видеть, и еще больше странным казалось то, что она пришла вместе с бывшим женихом.

Держа в руках повеление архиепископа, Реймер приблизился к фогту. Красноречиво рассказал он о своем путешествии и теплом, милостивом приеме, оказанном ему их государем, который шлет своему дитмарсенскому народу привет и благословение.

Архиепископ велел отвести ему помщение во дворец и удостоил приглашением к своему столу, где он сидел с высокими духовными сановниками за обедом; он должен был передать все подробности кровавой битвы при Гемингштедте. После двухдневного отдыха Реймер выехал из Бремена на родину; поручение свое он выполнил, как это было видно из двух архиепископских повелений, которых он тут же и вручил старшему фогту. Громким голосом прочитав содержание бумаги, президент совета произнес за тем: «теперь мы считаем своей обязанностью выразить признательность тем, кто жертвовал собою для освобождения отечества от иноземного нашествия; пока ты, Тельза Воллерзина, была еще связана своим обетом, мы не могли предлагать тебе, в награду, никаких земных благ; но ныне, когда ты скоро будешь женой нашего храброго ратного товарища, Реймера фон Вимерштедта, мы решим поднести тебе свадебный подарок; имение измениника Карстена Гольма осталось теперь без владельца и мы не можем дать ему лучшего назначения, как вручая его той, которая несла пред нашими войсками дитмарсенский святой символ».

— Вы слишком высоко ставите мою незначительную заслугу, взволнованным голосом произнесла Тельза; Реймер и я обладаем достаточным состоянием, чтобы жить безбедно; полученная им доля в военной добыче обеспечивает нас вполне; а потому я не могу принять вашего милостивого подарка, отдайте его тем, кто в эту войну лишился своих кормильцев; но у меня есть еще одна просьба, с которой обращаюсь к вашему милосердию.

Все прислушались с напряженным вниманием; наступила короткая пауза.

— Заранее обещаем тебе выполнить эту просьбу, ответил, наконец старший фогт,—ты не потребуешь ничего такого, на что мы охотно не скажем «да» и «амина».

— Церковь и государь наш оказали мнение милость, произнесла Тельза, лицо которой покрылось густой краской волнения,—да будет же оказана милость и заблудшему, который, и без того, несет тяжелую кару угрызений совести и презрения всех людей; не проливайте кровь в этот день; исходите из Гольма жизни, изгоните его из нашей страны, которую он предал.

Между присутствующими произошло движение, никто не ожидал, что дочь фогта будет просить за измениника.

— Предатель заслужил вполне свое наказание, произнес старший фогт,—но ты имеешь наше слово и мы его сдержим; пусть будет по твоему: он может идти к тем, ради кого изменил отечеству; но его имение поступить в пользу вдов и сирот наших павших братий.

Несколько спустя, когда розы уже были в полном цвету, распространяя повсюду благоухание, а жучки и пестрые бабочки кружились в воздухе, в маленькую Вёрденскую церковь вступала пышная свадебная процессия; в этот день, у подножия алтаря Тельзы Воллерзина и Реймер фон Вимерштедт были соединены неразрывными брачными узами; все население приняло участие в веселом торжестве.

Гейдский мельник вступил на службу Герцога Фридриха Голштинского, который дал ему скромную должность в одном из своих замков, где он вскоре и умер, как иные уверяли—от мучений совести, но на самом деле, от злости на неудачу своих планов и на потерю своего прекрасного, с таким трудом нажитого состояния.

Нилова пустынь.

(Рис. на стр. 372).

Монастырь Нилова Пустынь находится на одном из островов озера Селигера, въ 7 верстахъ отъ уѣзднаго города Осташкова Тверской губерніи.

На островѣ этомъ, необитаемомъ и покрытомъ глухимъ лѣсомъ, поселился въ 1528 году высокой подвижнической жизни инокъ Ниль — изъ Криницкаго монастыря Иоанна Богослова, тогдашней Псковской области.

На мѣстѣ подвиговъ и чудесъ преподобнаго Нила, послѣ Его преставленія, была основана Обитель съ уставомъ общежительнымъ, Иеромонахомъ Германомъ изъ братій Рожковскаго, со-сѣдняго монастыря, въ 1594 году по разрешенію Московскаго и вселѣ Россіи патріарха Іова. Въ это же время были выстроены деревянныя келіи, житница и первая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня — раньше была только часовня надъ гробомъ Преподобнаго. Германомъ же въ 1596 — 1598 годахъ составлено житие угодника Божія Нила и служба Ему.

Пожаромъ въ 1665 году — при преемнику первого строителя Германѣ — Нектаріи, истреблены были всѣ монастырскія зданія. Въ слѣдующемъ году Нектарій, имѣя намѣреніе построить въ монастырѣ каменную Соборную церковь, отправился въ Москву просить у царя Алексѣя Михайловича разрешенія и денежнаго пособія. Лично онъ получилъ отъ Царя разрешеніе на строеніе церкви и 200 руб. на заводъ ея, а отъ Новгородскаго митрополита Питирима благословенную грамоту. Но къ заложенію храма приступлено было, за смертю Нектарія, лишь въ 1667 г., при игумѣнѣ Германѣ II. И вотъ когда, по разбораніи деревянной часовни, временно построенной послѣ пожара надъ гробницей Преподобнаго, начали копать одинъ изъ рвовъ для фундамента нового храма, именно съ лѣвой стороны, земля прилегавшая къ гробницѣ вдругъ сама собою обрушилась и мощи угодника обнаружились: гробъ совершенно истѣль, а святые мощи оказались нетлѣнными — это случилось 27 мая 1667 года, спустя 110 лѣтъ спустя послѣ преставленія Преподобнаго Нила.

Съ этого времени слава Угодника начала возрастать, а чудеса Его привлекать массы поклонниковъ и богомольцевъ изъ всей земли русской. Съ этого же времени и материальное состояніе монастыря стало улучшаться — и монастырь обогатился отъ доброхотныхъ приношеній и вкладовъ царей, именитыхъ людей и простолюдиновъ. Постепенно въ монастырѣ стали воздвигаться каменные церкви и другія постройки, какъ-то: двухъ и трехъ-этажныя келіи: архіерейскія, архимандритскія, для братій и для посѣтителей-богомольцевъ; просфоро-пекарня, трапеза, больница, конюшенный и конный дворъ, столярня, кузница, слесарня, лодочный и мучные амбары, рыбачкая, солодовня и пивоварня; а въ 1821—1833 годахъ при архимандритѣ Павлѣ воздвигнутъ величественный соборъ, Тосканской новѣйшей архитектуры, съ трехъ-ярусной таковой же архитектуры колокольней, на которой первый колоколъ въ 300 пудовъ, передѣланный изъ прежняго колокола въ 160 пуд., пожалованного въ пустынь въ 1670 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Внутренняя отдѣлка храма этого по изяществу и богатству вполнѣ соответствуетъ наружному его величию. Кромѣ этого собора, въ настоящее время находится въ монастырѣ еще пять каменныхъ церквей: больничная Всѣхъ Святыхъ, Петра и Павла, во имя угодника Нила, св. Иоанна Предтечи и во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Изъ достопримѣчательностей собора и ризницы упомянемъ главнѣйшія:

Одежда на престолѣ главнаго алтаря серебряная вызолоченная, вѣсомъ 3 пуда. На этомъ престолѣ дарохранительница серебряная вызолоченная, превосходной работы Верховцева, вѣсу 18 ф. Царскія двери главнаго алтаря серебряные, чеканные, вѣсомъ 10 п. Предъ мѣстными иконами главнаго иконостаса четыре серебряные, мѣстами вызолоченные, для возженія свѣчей ламиады, вѣсу въ нихъ 1 п.

Серебряная, вызолоченная рака, въ которой почиваютъ нетлѣнныя мощи угодника Божія Преподобнаго Нила; вѣсъ болѣе 1 п. При мощахъ хранится древняя схима угодника, въ которой онъ былъ погребенъ и которая при открытии мощей его въ 1667 году, найдена вмѣстѣ съ тѣломъ его нетлѣнною.

Посреди главнаго храма виситъ бронзовое черезъ огонь вызолоченное съ барельефными вызолоченными подъ матъ украшениями, превосходной работы паникарило въ 120 шандаловъ. Евангеліе рукописное (1636 г.), обложенное вызолоченнымъ серебромъ.

Евангеліе напрестольное въ листъ, печатанное въ 1681 г., верхняя доска его обложена гладкимъ вызолоченнымъ серебромъ, съ черневыми въ пяти кругахъ священными изображеніями, а нижняя травчатымъ бархатомъ — вкладъ царя Феодора Алексѣевича. Евангеліе напрестольное въ листъ, печатанное въ 1697 г., обложено травчатымъ бархатомъ съ серебряными вызолоченными по обѣимъ сторонамъ середникамъ и наугольниками, данное по указу царя Петра I-го изъ Приказу Большаго Дворца.

Покровъ парчевой, по красной землѣ съ серебряными и шелковыми травами, окаймленный парчей по пунцовѣ землѣ и обложенный кругомъ золотымъ гасомъ съ крестомъ таковою же гаса, пожалованный отъ императрицы Екатерины II-й. Риза зеленаго бархата съ оплечьемъ, крестомъ и звѣздою золотой парчи, вкладная царицы Натальи Кириловны. Двое ризъ парчевыхъ, по красной землѣ съ серебряными травами и лазуревыми шелковыми цветами — вклады императрицы Екатерины II-й.

Панагія золотая, прорѣзная, съ короною и золотою цѣпочкою, украшенная алмазами и аметистами, пожалована въ монастырь императоромъ Александромъ I, по случаю посѣщенія имъ обители 12 Іюля 1820 года.

Чаша водосвятная серебряная, мѣстами вызолочена, вѣсомъ 10 фун., пожалованная царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 г. Чаша кроильная, серебряная, вѣсомъ 2½ ф., вкладная царицы Екатерины Ioannovны и много другихъ цѣнныхъ и пріѣзжательныхъ вещей.

Монастырь богатъ также землями и прочимъ имуществомъ: имѣеть собственныхъ два парохода, нѣсколько большихъ мукомольныхъ мельницъ, отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе, два по-дворья, одно въ г. Осташковѣ, въ немъ останавливается, во время прѣѣздовъ, настоятель и братья, а другое въ Москвѣ, въ Тверской части, отдаваемое въ оброчное содержаніе. Имѣеть собственная рыбная ловля въ озерахъ Селигерѣ, Серемѣ и Тихминѣ и рѣчкахъ: Серемѣ, Тихминѣ и Каменѣ. Земли въ настоящемъ состоять за монастыремъ 4500 десятинъ, подъ строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, пашнею, покосами и выгономъ. Имѣеть два поселенія, гдѣ находятся огорода, большія запаски и скотоводство съ нужными постройками хозяйственными. Монастырь получаетъ отъ казны ружное жалованіе и милостинную дачу. Вообще же всѣхъ доходовъ въ монастырь, какъ отъ хозяйственныхъ распоряженій, такъ и отъ приношеній богомольцевъ, по показанію памятной книжки Тверской губерніи 1863 г., бываетъ 35,000 руб. въ годъ.

Каждый годъ 27 мая, въ день обрѣтенія мощей Угодника, бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ до 3000 человѣкъ; изъ города Осташкова въ этотъ день горожане на пароходахъ, яликахъ и лодкахъ, духовенство изъ всѣхъ церквей, съ хоругвями и крестами прѣѣзжаетъ въ пустынь въ особо устроенной громадной баржѣ, украшенной разноцѣнными флагами и буксируемой нѣсколькими лодками; этотъ моментъ и изображенъ на прилагаемой картинѣ. Послѣ торжественной литургіи, совершающейся или настоятелемъ пустыни или нарочно къ этому дню прѣѣзжающимъ Тверскимъ архіепископомъ, въ сослуженіи всего духовенства и братіи, мощи Угодника обносятся кругомъ монастыря.

Бортнянскій и Турчаниновъ.

(Портреты на стр. 376).

Въ XVIII столѣтіи наша церковная музыка подверглась сильному иностранному вліянію. Началось это вліяніе при дворѣ, куда приглашались для придворныхъ спектаклей маэстро съ запада, преимущественно итальянцы. Оперное дѣло при дворѣ было поставлено пышно и большинство приглашаемыхъ съ запада музыкантовъ являлись къ намъ, имѣя за собой блестящую артистическую карьеру. Назовемъ, напримѣръ, Сальери, ученика Глюка, Галуппи, Паезиелло, Чимароза, Сарти и пр. Иностранные мастера, помимо оперного дѣла, касались и нашей церковной музыки. Ихъ милостивому вниманію предоставлялись церковные хоры, придворные пѣвчіе участвовали въ придворныхъ оперныхъ спектакляхъ, наконецъ, эти маэстро писали духовныя сочиненія для нашей церкви. Форма этихъ сочиненій была концертная. Какъ форма, такъ и самыи стиль, были совершенно новы для русской церкви. Слова священнаго

писанія, разумѣется, выписывались по слогамъ буквами иностранного алфавита. Очевидно, что при этомъ упускался изъ вида глубокій смыслъ текста и приписывалась къ нему музыка, подходящая иногда только по общему настроению къ характеру текста. Концерты писались, такъ сказать, не на слова священного писанія, а подлаживались къ слогамъ. Музыка преобладала надъ текстомъ. Но дѣятельность иностранцевъ не отразилась на древней гласовой мелодіи, какого-либо расщепа православной греко-российской церкви. Къ счастью наши мелодіи остались безъ измѣненій, такъ какъ капельмейстеры, не касаясь ихъ, писали самостоятельную музыку. Произведенія, относящіяся къ такъ называемой, концертной эпохѣ, о которой мы говоримъ, ввели у насъ точный ритмъ, полифонію (многоголосіе), но вмѣстѣ съ тѣмъ, привили на нѣкоторое время совершенно неподходящій къ духу церковной музыки свѣтскій

стиль. Концерты испещрялись трелями и всевозможными голововыми украшениями.

Иностранные композиторы были учителями наших отечественных и, разумеется, нельзя отрицать их влияние на музыкальное развитие (хотя не в чисто-духовном смысле) в нашей стране. Березовский, Бортнянский, Ведель, Дехтерев и другие, имели своими учителями Вопписа, Галуппи, Сарти. Русские композиторы, получившие музыкальное образование от иностранцев, писали концерты, подражая своим учителям, но уже с той разницей, что церковный текст, со всеми его подробностями, не ускользал от их внимания. Они старались иллюстрировать текст, пользуясь богатым запасом приобретенных знаний, и давать слову его настояще значение и произношение натуральное и не искаженное. К разряду таких композиторов, которые внесли в концертное пение глубокое содержание, тесно связанное с текстом, и относится Бортнянский.

Нельзя сказать, чтобы семья композиторов, выказавших самобытность и чисто русскую натуру, несмотря на итальянское влияние, была бы велика. Итальянцы были виновниками того, что впоследствии явился целый ряд слепых русских подражателей, которые не внесли ничего нового в нашу церковную музыку, а напротив, развили только недостатки иностранных мастеров. Редриков, Титов, Бовыкин и другие,

клавесина и пр., не отличались самобытностью и могут быть отнесены к области музыки чисто подражательной. В 1779 году Бортнянский вернулся в Россию, проживши 11 лет заграницей. Благосклонное внимание императрицы, звание композитора придворной певческой капеллы, денежная награда, были поощрением его композиторской деятельности. Впоследствии Бортнянский получил звание директора певческой капеллы. Хор придворных певчих, отличавшийся и до Бортнянского прекрасным исполнением, был возведен им на ту художественную высоту, которая дала ему всемирную известность. С возвращением в Россию совпадает начало его самобытной творческой деятельности. Бортнянский написал 45 концертов, 8 духовных трио с хором („Исполла эти деспота“, „Да исправится молитва моя“ и пр.), 8 хоров, 14 номеров „Тебе Бога хвалим“ и более 40 разнообразных духовных сочинений, которые изданы придворной певческой капеллой. Помимо музыкальных красот, отличающих духовные произведения Бортнянского, они проникнуты религиозным настроением. Хоры Бортнянского носят на себе крайне разнообразный отпечаток духовного состояния. Его музыка то спокойновеличественна, то трогательна и умильна, то сильна и грандиозна. Точная передача текста всегда была главной задачей Бортнянского. Ясность, удобопонятность, а вместе с тем величавость стиля, неотразимо действуют на слушателей

Русские Духовные Композиторы.

Д. С. Бортнянский. Съ фотограф. грав. Барановский.

П. И. Турчаниновъ. Съ фотограф. грав. Барановский.

писали духовные произведения совершенно не подходящие к требованиям церкви. Из под пера их выплыли хоровим образом различные вокальные украшения, так называемые, хоровим веселого распева с выходками, умилительные с выходками и с другими подобными названиями. Для хоровим пользовались музыкой из оратории Гайдна „Сотворение мира“ или для литургического пения „Тебе поем“ брали песни жреца из „Весталки“. Подобное направление держалось долго до начала XIX столетия и впоследствии было воспрещено пользоваться им в церкви. (Указом 1816 года, по которому позволялось петь в церкви параллельное пение только по печатным нотам, изданным с разрешения певческой капеллы. Такой указ был издан в бытность Бортнянского директором придворной певческой капеллы). И так, мы возвращаемся к одному из лучших представителей духовной музыки Бортнянскому.

Дмитрий Степанович Бортнянский родился в 1751 году в городе Глухове, Черниговской губернии (умер в 1825 году). Благодаря прекрасному голосу, 7-ми льтним мальчиком он был взят в придворную певческую капеллу. Императрица Екатерина обратила внимание на его счастливую музыкальную организацию и поручила мастера Галуппи заняться музыкальным воспитанием Бортнянского. Когда Галуппи покинул Россию, то через некоторое время молодого Бортнянского послали в Венецию к своему учителю для дальнейших занятий. Позже, Бортнянский изучал музыкальное искусство в Болонье, Риме, Неаполе. Много духовных произведений, написанных им в стиле итальянских мастеров: сонаты для

Львовь, один из глубоких почитателей Бортнянского, выражался о нем следующими словами: „Все музыкальные сочинения Бортнянского весьма близко изображают слова и дух молитвы; при изображении молитвенных слов на языке гармонии, Бортнянский избегал таких сплетений аккордов, которые, кроме разнообразной звучности, ничего не изображают, а изображаются, как будто для показания тщетной учености сочинителя“. Бортнянский много трудился над переложением старинных духовных песен, но так как они не делились на такты, часто представляли неудобный материал для гармонизации, то при переложении Бортнянский их подвергал изменениям, сохраняя самая существенные их черты.

Совершенно другого направления, при переложении церковных мелодий, держался Турчаниновъ. При его гармонизации старинные напевы по возможности оставались в их неприкосновенной чистотѣ, вследствие чего духовная музыка, получившая художественную гармоническую окраску, сохранила первоначальный характер песен нашей церкви. Направление Турчанинова пользовалось в свое время особым уважением: его переложения были разрешены св. синодом к исполнению в храмах при богослужении.

П. И. Турчаниновъ родился в Петербурге в 1779 году. Отец его, дворянинъ, должен был переселиться из Петербурга в Кіевъ, где его 9-лѣтний сынъ был помѣщенъ в народное училище. Свою молодость Турчаниновъ провелъ на югѣ. Въ его жизни играетъ большую роль хоръ генерала Левандова, который въ Кіевѣ занималъ видный постъ. Въ этомъ хорѣ услышалъ его фельдмаршалъ Потемкинъ при проездѣ че-

Христосъ Воскресе! Съ картины Шпангенберга, грав. О. Ротъ.

рѣвъ Киевъ и такъ былъ восхищенъ пѣніемъ молодаго Турчанинова, что взялъ его съ собой въ Яссы. Музыкальное образованіе свое Турчаниновъ получилъ сперва подъ руководствомъ знаменитаго Сарти, капельмейстера хора свѣтѣйшаго князя Потемкина, а засимъ дальнѣйшимъ своимъ музыкальнымъ развитіемъ Турчаниновъ обязанъ Веделю, известному композитору духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Съ Веделемъ Турчаниновъ занимался въ Киевѣ, куда онъ, по смерти Потемкина, вернулся для участія опять въ хорѣ Левандова. Ведель состоялъ тогда учителемъ этого хора. Окончивъ свое образованіе, Турчаниновъ занялся изученіемъ и разработкой древнихъ церковныхъ напѣвовъ. Благодаря известности, которую пріобрѣлъ Турчаниновъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, онъ былъ приглашенъ орловскимъ архіепископомъ,

Досиоемъ, учителемъ архіерейскаго хора, и въ 1803 году, по убѣжденію преосвященнаго, принялъ санъ священника. Въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ имя Турчанинова въ 1809 году, гдѣ онъ занялъ мѣсто регента митрополичьяго хора. Въ 1827 году свою дѣятельность онъ переносить въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ получилъ приглашеніе въ качествѣ учителя хора.

По представленію бывшаго тогда директора, є. П. Львова, Турчаниновъ участвовалъ въ комиссіяхъ по разработкѣ и изданію духовно-музыкальныхъ сочиненій. Панихидное пѣніе, теперь употребляемое повсемѣстно, написано рукою Турчанинова. Въ 1814 году П. И. Турчаниновъ воведенъ въ санъ протоіерея, позже онъ находился въ придворномъ штатѣ при церкви Зимнаго дворца, а засимъ при стрѣльнинской придворной церкви. Благодаря его стараніямъ, хоръ Сергіевской пустыни, съ кото-

рымъ онъ занимался нѣкоторое время, достигъ такого совершенства, что изъ Петербурга специальноѣздили любители духовнаго пѣнія насладиться совершеннымъ исполненіемъ. Въ 1841 году П. И. оставилъ службу и остатокъ дней своихъ до смерти, послѣдовавшей въ 1856 году, посвятилъ сочиненію духовно-музыкальныхъ произведеній. Музыка Турчанинова болѣе, чѣмъ музыка Бортнянского, отличается отсутствіемъ иностран-

наго вліянія и носить на себѣ отпечатокъ національный. Она крайне пѣвуча, искренна и переполнена прекрасными мелодіями. Благодаря своимъ крупнымъ достоинствамъ, произведенія П. И. Турчанинова сдѣлались достояніемъ всего православного міра. Часть сочиненій его уже издана (въ четырехъ томахъ), другая же часть, проредактированная покойнымъ А. И. Рожновымъ, готовится къ печати.

СОНЪ.

Я снова видѣлъ мой давнишній сонъ:
Торжественно катились колесницы,
Торжественно гремѣлъ тимпановъ звонъ,
Шли на цѣляхъ серебряныхъ тигрицы...

Сквозь пыль сіяли въ солнечныхъ лучахъ
И бѣлыя и пурпурныя тоги,
Толпы дѣтей въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Цвѣты бросали посреди дороги...

Какъ снѣжныхъ горъ вершины—надъ толпой
Дворцы и цитадели возвышались,—
Казалось мнѣ, что гордой головой
Они до неба гордаго касались...

И на носилкахъ Цезаря несли,
И весь народъ кричалъ въ восторгѣ дикомъ,—
И чай то адскій стои изъ подъ земли
Все заглушалъ своимъ ужаснымъ крикомъ!...

П. Гнѣдичъ.

Празднованіе Пасхи въ старинной Руси.

Очеркъ.

Пасха у всѣхъ христіанскихъ народовъ самый веселый праздникъ;—праздникъ весны и пробужденія природы здѣсь соединяется съ великимъ религіознымъ торжествомъ и даетъ ему особую прелестъ и обаятельность. Природа въ это время, по народному убѣждѣнію, какъ бы сочувствуетъ Воскресенію Спасителя и выражаетъ эту радость въ самыхъ обыкновенныхъ своихъ явленіяхъ. Такъ предки наши вполнѣ были увѣрены, что въ Свѣтлое Воскресеніе вспышка утренней зари на востокѣ небосклона бываетъ краснѣе, розовѣе, нежели въ другіе дни, и что солнце при своемъ восхожденіи трепещется, играетъ... Въ старину и на колокольняхъ и на горахъ и вообще на высокихъ мѣстахъ, уже за долго до зари стояли набожные зрители, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ и таинственнымъ зрѣлищемъ. Въ Москвѣ этимъ интересовалась особенно молодежь, любившая раннимъ утромъ Великаго дня взлѣзать на безчисленныя колокольни города, или совершать восхожденіе на Воробьевы горы. Люди пожилые и степенные не имѣли времени чтобы любоваться лучезарнымъ восходомъ солнца; у нихъ было и безъ того много дѣла при встрѣчѣ праздника; особенно у людей служилыхъ, которые по обязанности встрѣчали праздникъ въ Кремлѣ, вмѣстѣ съ Государемъ. Въ повечеріе Свѣтлаго дня царь слушалъ полунощеніцу въ „престольной комнатѣ“, гдѣ по окончаніи церковной службы совершался обрядъ такъ называемаго „царскаго лицезрѣнія.“ Эта обрядъ заключался въ томъ, что всѣ высшіе бояре и низшіе служилые чины по особому благоволенію Государя входили въ комнату, чтобы видѣть Великаго Государя „пресвѣтлія очи.“ Но вотъ загудѣлъ призывный, полуночный, торжественный колоколъ и царь шествовалъ въ Успенскій соборъ для слушанія утрени. При этомъ выходѣ Государя окружали бояре и окольничіе въ золотыхъ кафтанахъ и горлатныхъ шапкахъ; передъ ними шли стольники, стряпчие, дворяне и дьяки. Самъ Государь также былъ въ золотѣ онашнѣ съ жемчужною нашивкою на горлатной шапкѣ. Утреня совершалась съ большими благолѣпіемъ и пышностью; храмъ горѣлъ огнями, золотомъ и драгоцѣнными самоцвѣтными камнями; повсюду блистали яркіе цвѣта праздничныхъ нарядовъ—роскошные переливы атласа и бархата. Во время заутрени послѣ хвалебныхъ стихиръ, Государь прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ, а по возглашеніи: Христосъ Воскресе! творилъ цѣлованіе въ уста съ патріархомъ и другими духовными чинами; ближнихъ же бояръ своихъ онъ жаловалъ къ рукѣ и раздавалъ имъ пасхальныя яйца, которыхъ были самыя разнообразныя: гусиные, утиные, куриные и точеныя деревянныя, расписанныя по золоту яркимъ узоромъ или цвѣтками и травами, а въ тѣхъ травахъ видны были и птицы, и звѣри, и люди. Притомъ занимались токари, иконописцы, травщики Оружейной палаты и нерѣдко монахи Троицко-Сергиевского монастыря. Количество раздаваемыхъ царемъ крашеныхъ яицъ достигало громадной цифры—37000 и потому неудивительно, что эта раздача требовала особыхъ чиновниковъ; такъ при ней состоялъ особый *приносчикъ*, стольникъ изъ ближнихъ людей, и десять человѣкъ жильцовъ, созывавшихся *подносчиками* и получавшихъ отъ царя за выполнение этой обязанности по десяти рублей каждый. По окончаніи заутрени царь шелъ прикладываться къ мощамъ и христосыться съ предками, т. е. кланяться доземно ихъ праху. Изъ благовѣщенскаго собора Государь направлялся прямо въ Верхъ во дворецъ и жаловалъ тамъ въ столовой и передней къ рукѣ и одѣяльѣ яйцами бояръ и другихъ сановниковъ, оставленныхъ здѣсь для береженія, т. е. для охраны царской семьи. Выполнивъ этотъ обрядъ, Государь, въ сопровожденіи патріарха и разныхъ чиновныхъ поздравителей, шелъ привѣтствовать царицу въ золотую палату.

Палата, въ которой происходило это торжественное поздрав-

леніе отличалась тѣмъ же византійскимъ характеромъ украшеній, какъ и другія жилыя комнаты дворца; сводчатый потолокъ ея былъ покрытъ различными изображеніями, писанными на золотомъ фонѣ. Эти изображенія представляли вѣнки цвѣтовъ, деревья, виноградныя лозы и порхающихъ между ними птичекъ. Въ срединѣ потолка спускалась люстра причудливой формы; она изображала льва, держащаго въ зубахъ змѣю, къ извилистому тулу которой искусно былъ подвѣшенъ кругъ съ подсвѣчниками. Верхняя часть стѣнъ была украшена мозаикой, представлявшей преимущественно библейскія сцены, тогда какъ нижняя была завѣшена роскошными коврами.

Царица обыкновенно надѣвалась въ этотъ день ослѣпительной красоты корону, усыпанную драгоцѣнными, самоцвѣтными каменьями, раздѣленную жемчугомъ на двѣнадцать квадратовъ по числу Апостоловъ. Прочая одежда царицы также была богато украшена жемчугомъ и цѣнными каменьями, которые ослѣпляли всѣхъ своимъ блескомъ; кругомъ трона стояла густая толпа придворныхъ бояръ и боярышень, одѣтыхъ во все бѣло, но безъ всякихъ драгоцѣнностей; всѣ эти женщины стояли какъ статуи, со сложенными на груди руками, и съ опущенными глазами, будучи не въ правѣ даже и въ этотъ великий, праздничный день, измѣнить обычай теремной жизни и господствовавшему тамъ этикету.

Великій день заканчивался достойнымъ образомъ прекраснымъ, высоко-нравственнымъ обычаемъ. Вечеромъ царь посѣщалъ тюрьмы, больницы и богадѣльни, пѣнныхъ и колодницъ; „Христосъ воскресъ и для вѣасъ“, говорилъ онъ имъ, надѣляя ихъ одеждой, деньгами и пищей. Вообще всю Свѣтлую недѣлю наши цари и царицы посвящали богомолью по разнымъ ближайшимъ къ Москвѣ монастырямъ и въ тоже время царь еще долженъ былъ находить время для приема у себя множества лицъ различного званія, приходившихъ къ нему съ поздравленіями и великолѣпными дарами. Такъ на другой или на третій праздникъ, а чаще всего въ среду Святой Недѣли, государь принималъ въ Золотой Палатѣ, въ присутствіи всего царскаго чина, патріарха и духовныхъ властей, а въ проще дни послѣ обѣдни жаловалъ къ рукѣ и надѣлялъ яйцами разныхъ служителей и людей всякаго званія. Всѣ эти лица являлись съ поклономъ къ Государю не съ пустыми руками; знатные и богатые приносили въ подарокъ царю золотые, т. е. иноzemные червонцы, которые тогда еще не имѣли значенія денегъ, а люди бѣдные и особенно разнообразные художники и мастера Оружейной Палаты считали своею обязанностью поднести Государю вмѣсто великолѣпного яйца какое нибудь хитрове произведеніе своего искусства. Въ пятницу же на Святой недѣлѣ цари обыкновенно отправлялись въ Новодѣвичій монастырь, около котораго издавна въ этотъ день, послѣ крестнаго хода, происходило многолюдное гулянье, и для царственныхъ посѣтителей на обширномъ полѣ разбивали роскошные, парчевые шатры.

Народное празднованіе Пасхи въ эту далекую отъ насъ эпоху мало чѣмъ разнилось отъ нашего времени. Так же какъ и теперь, простой русскій человѣкъ считалъ за грѣхъ ложиться спать въ ночь предшествующую Великому дню; вѣсныашавъ благовѣсть, шелъ къ заутренѣ и воротившись домой громко поздравлялъ своихъ домашнихъ магическими, чудными словами: Христосъ воскресъ! и обмѣнивался съ ними крашеными яйцами. Послѣ обычного разговѣнья, народъ проводилъ время почти по одной и той же программѣ; кто шѣлъ великолѣпныя цѣсни, кто каталъ яйца на лубкахъ, передъ разостланнѣмъ ковромъ, кто игралъ въ битки; обѣдали всѣ очень рано и ложились отдыкатъ, а вечеромъ шли къ вечернѣ. Кроме того въ старину находилось много охотниковъ звонить въ колокола, а на папертяхъ церквей собирались всегда густая толпа народа,

съ наслаждениемъ слушавшая эту своеобразную музыку; кроме того здесь же на папертяхъ и около церкви устраивалось настоящее гулянье: катали яйца, играли въ битки, пощелкивали орехи; девушки скакали на доскахъ; ребятишки играли въ бабки, а взрослые въ свайку и чехарду. Отовсюду слышался

скрипъ качелей, звуки балалайки или заливной пѣсни и звучное христово воскресное чмоканье. Скорлупа ореховая и яичная застилали улицы и служила для каждого прохожаго очевиднымъ доказательствомъ, что на Руси великий праздникъ — Пасха.

Къ рисункамъ.

Обрядъ „шествія на осляти“ въ XVII в..

(Рис. на стр. 364 и 365).

Въ прошломъ №, въ описаніи обряда „Шествія на осляти“, мы остановились на моментѣ выхода Царя, духовенства и бояръ.

Когда вся эта процессія подходила къ Покровскому собору, то останавливалась лицомъ къ востоку; патріархъ благословлялъ народъ и вступалъ вмѣстѣ съ Царемъ въ предѣльный храмъ Входа въ Ерусалимъ, сопровождаемый лишь избранными членами. Здѣсь послѣ обычной молитвы Патріархъ облачался, а Царь надѣвалъ на себѣ всѣ царскія регалии. Между тѣмъ лобное мѣсто уже давно было приготовлено къ торжеству; оно было устлано алымъ и зеленымъ сукномъ; посрединѣ стоялъ налой, покрытый бархатной пеленой, отороченной золотымъ поиздѣнцемъ и кромѣ того все пространство отъ лобнаго мѣста до Спасскихъ воротъ было уставлено высокими надолбами, обитыми цвѣтными сукномъ. На всемъ протяженіи этого мѣста стояло войско, а за нимъ уже шумѣла и волновалась необозримая масса народа. Здѣсь-же неподалеку отъ лобнаго мѣста со стороны Красной площади стоялъ конь, единствующій изображать въ процессіи осля. Онъ былъ покрытъ бѣлой, суконной каптурой, т. е. попоной, къ которой были придѣланы громадные уши. Конь охранялся однимъ патріаршимъ бояриномъ и пятью дьяками въ золотыхъ кафтанахъ. Тутъ-же около коня красовалась и нарядная верба на саняхъ на особенно устроеннымъ колесномъ возѣ, обитомъ краснымъ сукномъ и расписанномъ самыми яркими красками. Въ саняхъ было запряжено шесть возниковъ (лошадей) въ цвѣтныхъ бархатныхъ каптурахъ и въ надчолкахъ, украшенныхъ роскошными перьями. Укараненіе вербы лежало на обязанности соборного ключаря, который и обвѣшивалъ ее разными плодами и лакомствами: яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, винными ягодами, рожками и даже орехами. Прибывъ на лобное мѣсто, Патріархъ вручалъ снерва царю, потомъ чинъ по чину, представившимъ особамъ вайи, т. е. вербы. Послѣ этого обряда архидьяконъ приступалъ къ чтенію Евангелия, именно того мѣста, гдѣ повѣствуется о вѣздѣ Спасителя въ Ерусалимъ. Согласно евангельскому разсказу, Патріархъ посыпалъ ключаря съ протоіереемъ привести ему осля. Посланные, переговоривъ съ дьяками, охраняющими осля, т. е. повторивъ тѣ фразы, которые были сказаны при этомъ случаѣ учениками Спасителя, накрывали коня ковромъ и приводили его къ Патріарху. Тогда Патріархъ, съ Евангелиемъ и крестомъ, съ помощью двухъ сановниковъ, усаживался бокомъ на коня, и благословивъ царя, трогался съ мѣста. Теперь шествіе, какъ и прежде, открывалось государевыми младшими чинами, сначала дьяками, потомъ шли дворяне, стряпчие, стольники по три человѣка въ рядъ, съ вайями въ рукахъ. Всѣ они были въ богатыхъ золотыхъ нарядахъ, почему и назывались въ подобныхъ церемоніяхъ золотчиками. За ними везли нарядную вербу, подъ которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одѣдахъ, пѣвшіе стихиры. За вербою шествовало многочисленное духовенство, также съ пѣніемъ; потомъ шли близкіе люди, думные дьяки и окольничіи съ вайями; далѣе слѣдовалъ Государь въ большомъ царскомъ нарядѣ и поддерживаемый близкими людьми, вѣль осля за конецъ повода, въ то время какъ средину этого повода держалъ избранный бояринъ, а подъ узды вели осля дьяки — одинъ Государевъ, другой Патріаршій, и Патріаршій же конюшій старецъ. Впереди Государя стольники и близкіе люди несли царскій жезль, государеву вербу, государеву свѣчу и царское полотенце. По обѣ стороны царя шли бояре, окольничіи и думные бояре съ вербами въ рукахъ. По сторонамъ процессіи сплошной стѣной тѣснился народъ, котораго Патріархъ осѣнялъ крестомъ, а протодіаконъ кропилъ св. водой на всѣ стороны. На всемъ пути дѣти стрѣльцовъ подкидывали подъ ноги осля сукна, большую частью красныя или зеленыя. Число этихъ дѣтей при Михаилѣ Феодоровичѣ было до 800, при царѣ же Феодорѣ они достигли до тысячи. Всѣ они получали за свой трудъ тѣ сукна, которыми убирали путь, но чаще награждались деньгами — по двѣ гривны на человѣка. Подѣхавъ къ Спасскимъ воротамъ, Патріархъ предъ образами Спасителя и Богоматери, написанными на воротахъ, останавливался и читалъ литію и молитву за благоденствие города, а въ этотъ моментъ раздавался оглушительный колокольный звонъ, какъ въ Кремль, такъ и во всей Москвѣ. Патріархъ, прибывъ къ Успенскому собору, сходилъ съ осляти, входилъ въ храмъ и принялъ отъ царя вербу, совершаю съ нимъ обрядъ цѣлованія. Отслуживъ литургію, Патріархъ изъ собора направлялся къ

нарядной вербѣ, говорилъ надъ нею обычную молитву и благословлялъ народъ. Послѣ этого ключари отѣкали отъ вербы сукъ и уносили его въ алтарь; остатки же вербы и всѣ ея украшенія раздавались стрѣльцамъ и пароду. Праздничный столъ въ этотъ день для всѣхъ сановниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, давалъ Патріархъ въ Крестовой Палатѣ, и кромѣ того посыпалъ кушанья и кубки съ виномъ во дворецъ, царю и его семейству; отъ Патріарха же полагалось угощеніе всѣмъ участвовавшимъ въ процессіи и даже дѣтей стрѣльцовъ онъ одѣялъ кушаньемъ и деньгами.

Въ этотъ же день внутри дворца устраивалась особая нарядная верба для государя, царицы и дѣтей; ее возили по теремамъ и эта импровизированная процессія возбуждала шумный восторгъ между тѣмъ многочисленнымъ женскимъ населеніемъ дворца, которое по тогдашнему этикету не могло участвовать въ обрядѣ шествія на осляти.

Такая же обрядность, какая происходила въ Москвѣ, наблюдалась въ Вербное Воскресеніе и въ другихъ большихъ городахъ, гдѣ въ этомъ случаѣ архіерей замѣнилъ Патріарха, а царя — воевода. Шествіе на осляти въ другихъ мѣстностяхъ было уничтожено соборнымъ постановленіемъ 1678 года; въ Москвѣ же оно удержалося до самой отмѣны патріаршества, хотя въ послѣднее время цари рѣдко въ немъ участвовали и оно мало по малу уже теряло свой прежній блескъ и значеніе.

Пасхальная заутреня въ лѣсной церкви.

(Рис. на стр. 369).

Пустынно стоитъ среди сѣвернаго дремучаго лѣса старинная церковка. И въ великую радостную ночь Свѣтлаго Воскресенія изъ окрестныхъ сель и поселковъ, въ праздничныхъ нарядахъ сходятся крестьяне. Ярко загораются огни въ окнахъ церковки; бросая красные отсвѣты на могучіе стволы старыхъ сосенъ. Тянетъ въ широко раскрытыя двери свѣжій сосновый воздухъ лѣса, мѣшаясь съ запахомъ воска и ладона въ жаркой церкви. Но вотъ раздался наконецъ ударъ колокола, крестный ходъ пошелъ въ оградѣ кругомъ церковки и пустынныи, молчаливый лѣсъ озарился огнями многочисленныхъ свѣчей и радостный возгласъ „Христосъ Воскресе“ раздался кругомъ...

Нашъ художникъ съ обычнымъ мастерствомъ передалъ это впечатлѣніе Пасхальной заутрени въ лѣсной церковкѣ, по архитектурѣ которой видно, какъ много поколѣй встрѣчали въ ней свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

Святые жены у гроба Спасителя.

(Рис. на стр. 373).

Когда пресвятое тѣло Христа Спасителя было положено въ гробницѣ, изѣченной въ скалѣ, и ко входу былъ приваленъ камень, то Святые жены долго въ великой скорби рыдали у этого камня. Великая жизнь, великое дѣло казалось навсегда запечатлѣнными, навсегда погребенными и Божественный Учителъ уже не придетъ болѣе со словомъ дивнаго поученія, не наставить, не поддержитъ колеблющагося ума, мечущуюся въ сомнѣніяхъ человѣческую душу... Онъ никогда не будетъ сре-ди ихъ... Скорбь Богоматери безмѣрна... Послѣдніе умирающіе лучи вечерней зари бросаютъ отблескъ своей на скорбную группу Св. Женъ и скоро настанетъ таинственная Ночь, великая Ночь Христианства, въ которую совершился величайшее Таинство...

Христосъ воскресе!

(Рис. на стр. 377).

По прошествіи Субботы, на разсвѣтѣ первого дня недѣли, пришла Магдалина и другая Марія, посмотрѣть гробъ Господень. И говорили между собою: „кто отвалить камень отъ двери гроба?“ Но въ ночи было великое землетрясеніе. Ангелъ Господень, приступивъ, отвалилъ камень отъ двери и увидѣли ангела сидящимъ на камнѣ. Видѣ его былъ какъ молнія и одежда бѣла какъ снѣгъ. Ангелъ сказалъ женамъ: „не бойтесь! — Знаю, вы ищете Иисуса Распятаго. Его уже нѣть: Христосъ воскресе!“ Въ такомъ чудномъ сказаніи изображаетъ Евангелистъ радостнѣйшее событие, величайшее Таинство Христианства. На картинѣ видно, какъ пораженные небеснымъ блескомъ во славѣ Воскресающаго, стоятъ Св. Жены. Ранній разсвѣтъ едва озаряетъ всю сцену своимъ невѣрнымъ свѣтомъ.

Политическое обозрение.

Германия.—Дания.—Черногория и Албания.—Болгария.—Сербия.—Италия.—Англия.

Германский парламент, какъ известно, принялъ внесенный имперскимъ правительствомъ проектъ социально-политического закона, возбудившаго противъ себя великое неудовольствие всего лагеря социалистовъ, понимающихъ все могущество оружія, которымъ теперь обладаетъ власть; въ недавнемъ засѣданіи рейхстага министръ финансовъ Шульцъ прочиталъ императорское посланіе, въ которомъ сказано, что его величество придаетъ большое значеніе факту принятія этихъ законовъ; императоръ, съ большімъ удовольствіемъ, слѣдилъ за тѣмъ, какъ рейхстагъ содѣствовалъ осуществленію закона о кассахъ для больныхъ, но питаетъ опасенія, относительно успѣшного окончанія преній по проекту закона объ обезпеченіи рабочихъ отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ; съ непринятіемъ этого проекта исчезла бы надежда на принятіе въ ближайшую сессію также и проекта объ обезпеченіи инвалидовъ; и чтобы оставить послѣдующую сессію свободною для обсужденія социально-политическихъ законопроектовъ, разрѣшенія которыхъ императоръ настоятельно желаетъ, его величество уже теперь препрощаетъ въ рейхстагъ бюджетъ на 1884—1885 года. — Между Пруссіею и Даніей возникло небольшое недоразумѣніе по поводу недавно происходившаго въ Копенгагенѣ съѣзда социалистовъ и наивнаго, чтобы не сказать больше, отношенія къ нему тамошнихъ властей; едва-ли, конечно, это можетъ въ чёмъ-либо отразиться на отношеніяхъ обоихъ государствъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ совершилъ недавно путешествіе къ святымъ мѣстамъ; предполагали, что это была не болѣе, какъ прогулка для развлечения, но теперь оказывается, что цѣль была иная: по слухамъ, Германия приобрѣла у Турціи городъ и окрестность Кесаріи, — пунктъ, весьма удобный въ торговомъ отношеніи и который, конечно, будетъ немедленно же колонизированъ. Надняхъ скончался Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.

Датскій фолькстингъ подчинился, повидимому, вліянію крайней партии, продолжающей свою оппозицію правительству во что-бы ни стало: фолькстингъ принялъ, большинствомъ 72 голосовъ противъ 20, адресъ къ королю, выражавшій недовѣріе палаты къ нынѣшнему министерству, которое, въ сущности, никакъ не заслуживаетъ упрека, такъ какъ его дѣятельность встрѣчала не помощь со стороны радикаловъ, а, напротивъ, одни препятствія; въ такомъ смыслѣ и высказалась верхняя палата, ставшая на сторону министерства.

Между черногорцами и албанцами до сихъ поръ происходять стычки; отрядъ черногорскихъ волонтеровъ рѣшился было силой занять часть уступленной княжеству территории Албании, но князь велѣлъ остановить ихъ и ихъ препроводили назадъ въ Цетинье.

Князь Болгарскій отправляется въ Грецію; Порта, услыхавъ о томъ, что въ распоряженіе князя предоставается русскій цароходъ, перепугалась—какъ-бы при этомъ не былъ нарушенъ этикетъ,—предложило его высочеству совершение путешествія на турецкомъ суднѣ, въ сопровожденіи турецкаго сановника; князь остановится въ Константинополѣ и увидится съ Абдуль-

Гамидомъ; вотъ — пора тутъ-то онъ турокъ этимъ невиннымъ актомъ вассальной вѣжливости.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что Елена Марковичъ, совершившая въ октябрѣ прошлаго года, покушеніе на жизнь короля Милана, скончалась на-дняхъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе раны, которую она нанесла себѣ кухоннымъ ножемъ. Въ Румеліи опа-саются движенія, направленного къ соединенію съ Болгаріей.

Италия достигла, въ новѣйшее время, весьма виднаго мѣста въ средѣ морскихъ державъ; она обладаетъ нынѣ громадными броненосцами, однако — морскимъ министромъ не довольно за то, что онъ въ заказахъ обращался къ англійскимъ заводчи-камъ; министръ-президентъ высказался за своего товарища, и это обстоятельство вызвало цѣлую бурю въ парламентѣ, которыи едва не выразилъ недовѣріе министру, адмиралу Антона, чего не произошло только благодаря вмѣшательству Депре-тиса.

Великая морская держава—Англія, боится маленькаго Ламаншского тоннеля; президентъ торгового департамента, Чемберленъ, предложилъ назначить комиссию изъ пяти членовъ, которая обсудила бы совокупно съ комиссіей верхней палаты вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли давать разрѣшеніе на устройство подводного сообщенія между Франціей и Англіей и при какихъ условіяхъ; сэръ Нордкотъ потребовалъ, чтобы кабінетъ выяснилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ до избранія комиссіи; Глэдстонъ отвѣчалъ, что прежнее правительство имѣло мужество войти въ прямое соглашеніе съ Франціей относительно условій, на которыхъ должно быть устроено подводное сооб-щеніе между обѣими странами. Договоръ былъ бы уже заключенъ въ то время, при болѣе благопріятномъ положеніи денежнаго рынка; поэтому англійское правительство не можетъ отступить въ виду обѣщаній, данныхъ предшествовавшимъ мини-стерствомъ. Парламенту предстоитъ решить отъ имени англій-скаго народа—слѣдуетъ ли строить тоннель или нѣтъ; затѣмъ, предложеніе правительства было принято большинствомъ голосовъ. Англія продолжаетъ завладѣвать территоріями съ легкостью, достойною своего назначенія,—такъ, недавно, губерна-торъ Кунслэнда увѣдомилъ, что онъ, желая предотвратить занятие Новой Гвинеи какою нибудь другою державой, распоря-дился занять ее отъ имени британской королевы, впередъ до того времени, когда англійское правительство постановить решеніе по поводу отправленной имъ ноты.

Динамитная партія достигла своей цѣли—установить терроръ: теперь королева Викторія иначе не выѣзжаетъ, какъ при со-блюденіи всевозможныхъ предосторожностей; недавно, когда ея величество отправлялась въ Осборнъ, то всѣ выходы въ вок-залъ были охраняемы полицейскими агентами; у пункта оста-новки поѣзда также приняты мѣры предосторожности. Въ Егип-тѣ лордъ Дефференъ расширяетъ входъ въ Александрійскую гавань—оно, вѣроятно, необходимо для англійской торговли. Одно англійское судно „Dragon“ получило приказаніе идти немедленно къ Мадагаскару. Франція, повидимому, еще не до-стигла своихъ цѣлей и плановъ.

СМѢСЬ.

Новая книга о коронации. Появилась любопытная, прекрасно составленная книга подъ заглавіемъ „Вѣнчаніе русскихъ Самодержцевъ“, которая представить интересъ для каждого, кто желаетъ уяснить себѣ подробности обряда Священнаго Коронованія и исто-рию трехъ послѣднихъ коронацій. Эта книга рѣзко отличается отъ многочисленныхъ спекуляцій, имѣющихъ предметомъ ту-же задачу, составленныхъ наскоро и небрежно. Предисловіе въ прекрасныхъ словахъ выясняетъ высокое значение таинства.

„Въ живомъ лицѣ Самодержавнаго Монарха, говорить авторъ, воплощаются разумѣніе и воля Его народа, какъ нѣкотораго еди-наго цѣлага. Самодержавный Государь есть вождь своего народа въ разрѣшеміи историческихъ задачъ указываемыхъ Провидѣніемъ. Сердце Царево въ руцѣ Божіей; вѣлѣніями и рѣшеніями Того, Кто стоитъ выше всѣхъ отдѣльныхъ интересовъ, Кто въ дѣлахъ отвѣтственъ лишь предъ Богомъ и къ Нему Единому обращается въ тайныхъ совѣтахъ своего духа, исполняется воля Провидѣнія, ведущаго народъ по путямъ, пролагаемымъ работою поколѣній въ неизвѣдомое будущее исторического бытія. Царское вѣнчаніе не есть только торжественное объявление вширь всего міра и вдалъ гряду-щихъ поколѣній о томъ, что законный Монархъ вступилъ во всю полноту правъ, унаследованныхъ отъ предковъ, но что вѣнчаніе это есть истинное таинство благодати, чрезъ царское помазаніе отвыше приемлемой Царемъ и народомъ. Минута величайшаго изъ возмож-ныхъ на землѣ ощущеній, какое испытываетъ вѣнчанный Царь, когда въ древнемъ храмѣ, — стоя превыше всѣхъ людей, соединя въ себѣ историческое прошлое великаго государства, въ біеніяхъ Своего сердца сосредоточивая радостное чувство, объемлющее миллионы преданного народа, — Онъ слышитъ таинственные слова: печать дара Духа Святаго, это есть минута духовнаго соверше-ствованія, наитiemъ высшей благодати укрепляющаго на трудный подвигъ Царскаго служенія“.

Сочиненія Бортнянскаго. Въ этомъ № помѣщенъ портретъ и біографія нашего знаменитаго духовнаго композитора. Онъ писаль, сколько известно, только духовно-музыкальныя сочиненія, которые издавались Императорскою пѣвческой капеллой, по цѣнамъ довольно высокимъ, несмотря на незавидную печать. Многія сочиненія Бортнян-скаго давно уже нельзя было достать ни за какія деньги, такъ какъ старое изданіе разошлось, а новаго никто не предпринималъ, несмот-тра на то, что эти сочиненія еще въ 1850 году сдѣлались общимъ до-стойніемъ. Наконецъ въ 1882 году, т. е. 57 лѣтъ послѣ смерти автора, явилось подъ редакціею П. И. Чайковскаго первое пол-ное собраніе духовно-музыкальныхъ сочиненій Бортнянскаго въ партитурѣ (съ фортепіано) и въ голосахъ. Изданіе П. Юргенсона въ 10 томахъ, стоитъ 12 руб. Цѣна очень не дорогая и изданіе прекрасное.

Густавъ Доре. Приводимъ нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ жизни французскаго художника Густава Доре, умершаго, какъ из-вѣстно, 28 января настоящаго года въ Парижѣ. Доре съ самой юности отличался большой беспечностью, веселымъ беззаботнымъ характеромъ и страстью къ различнымъ продѣлкамъ въ шутли-вомъ духѣ. Разъ узнаетъ онъ, что сельскій кюре внезапно заболѣлъ; Доре прокрадывается осторожно въ исповѣdalю и поджи-даетъ какого нибудь приключенія. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показывается одна дама изъ окрестностей и Доре спо-койно выслушиваетъ ея исповѣдь. Вернувшись въ Парижъ, онъ однажды обѣдалъ у этой дамы и въ качествѣ гадальщика, глядя на ладонь хозяйки, рассказалъ ей весь прошлый романъ, въ кото-ромъ она такъ искренно показалась передъ мнимымъ кюре. — Въ Тиролѣ онъ побился объ закладъ, что лишить ожидавшихся въ деревню англійскихъ путешественниковъ, проводника на слѣдующій день. Для этого онъ съ колокольчиками въ рукахъ направился по главной улицѣ мѣстечка и объявлялъ, что вечеромъ во дворѣ го-

стиницы будут устроены танцы. Всё обитатели деревеньки запирали двери своих домов и спешли на даровое удовольствие. Художник пригласил музыкантов для игры во время танцев. Когда они уставали, он брал скрипку и сам играл танцы, которые продолжались до рассвета. Когда приехали англичане, проводники спали крепким сном и путешественники не могли воспользоваться их услугами, чтобы отправиться в горы.—Пробежала однажды через Лукерн, Доре представлялся городскому голову. „Вы г. Доре?..“ спросил этот. „Я въю вамъ, тѣмъ болѣе, что вы легко можете это доказать“, продолжал онъ, подавая художнику карандаш и бумагу. Доре оглянулся кругомъ и увидѣлъ на улицѣ крестьянина, продававшаго картофель. Быстро набросаль онъ эту сцену, подписав рисунокъ своимъ именемъ и передав бургомистру, который смысь замѣтилъ: — „Вашъ паспортъ въ полной исправности, но вы мнѣ позовите оставить документъ этотъ на память о вашемъ пребываніи въ городе“.

О римскомъ карнавалѣ пишутъ: Такого карнавала, какъ нынѣшній, Римъ еще не переживалъ. Корзо, обычное мѣсто зрелища сумасбродныхъ причуд карнавала, какъ-бы вымерло. Туристовъ положительно никого не было. Едва только $\frac{1}{5}$ часть балконовъ занята любителями этого зрелища; вслѣдствіе чего населеніе много потеряло, такъ какъ обыкновенно мѣста на балконахъ и окнахъ продавались за огромныя цѣны. Еще большія потери понесли цвѣточницы и кондитеры, — ихъ сбыть товара равнялся нулю. Маски, которая появлялись въ Корзо, не заслуживали никакого вниманія. Даже въ баль-маскарадѣ (Фегогіони) была смертная тоска. Въ народѣ и прессѣ всеобщее смущеніе. Римъ видимо быстро падаетъ въ материальномъ отношеніи. Въ Ниццѣ тѣ же жалобы; карнавалъ былъ ниже всякихъ описаній. Причиной этого явленія служить всеобщій застой. Но въ Испаніи: въ Мадридѣ, Сивильѣ и другихъ городахъ участвовавшихъ въ карнавалѣ было не больше. Такъ что причину всеобщаго упадка этого народнаго праздника скорѣй можно объяснить тѣмъ, что карнавалъ уже отжилъ свое время; народъ сталъ серьезенъ, его перестаетъ занимать эта комедія.

Шахматная игра съ живыми фигурами. Надняхъ въ Винчестерѣ съ благотворительной цѣлью была сыграна партия въ шахматы съ живыми фигурами. Пространство пола большой залы въ 576 футовъ было покрыто квадратами изъ черной и бѣлой матеріи и представляла собой шахматную доску. По обѣимъ сторонамъ ея были устроены мѣста для зрителей. Въ назначенный часъ въ залу вошли фигуры и заняли опредѣленныя мѣста на доскѣ. Пѣшки — въ шляпахъ „Тюдоръ“, въ пышныхъ, растопыренныхъ камзолахъ разныхъ цвѣтовъ и въ длинныхъ цвѣтныхъ штанахъ — были одѣты на манеръ пажей среднихъ вѣковъ. Одна половина была въ бѣлой, другая въ черной обуви. На короляхъ были длинныя мантіи. Офицеры — въ шлемахъ и панциряхъ. Королева (ферзы) одной стороны — была одѣта въ платье и шапочку изъ бѣлаго шелка съ богатой золотой вышивкой, другой — въ платье и шапочку изъ пунцоваго бархата. На турахъ, въ видѣ головного украшенія, были сдѣланы изъ папки крѣпости. Играющіе, т. е. назначавшіе ходы фигурамъ, сидѣли у стола на высокой эстрадѣ въ концѣ залы, и ходы, которые они давали на обыкновенной шахматной доскѣ, выкрикивались герольдами, а фигуры передвигались на соотвѣтствующія мѣста.

Причина мартовскихъ холодовъ. Этотъ вопросъ всѣхъ интересуетъ въ настоящее время. Причину холодовъ нужно искать въ массѣ снѣга, выпавшемъ въ этомъ мѣсяцѣ, который своимъ бѣлымъ покровомъ препятствуетъ вліянію солнечнаго тепла на землю, а также дѣйствію вѣтра, который, проходя черезъ снѣжныя равнини и горы, сильно охлаждается и понижаетъ температуру. Бѣлый тѣла, какъ известно, менѣе всѣхъ поглощаютъ свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей, и почти всѣ упавшіе на нихъ лучи отражаются. Чистый ледъ и снѣгъ обладаютъ этимъ свойствомъ въ высшей степени. Солнечные лучи, проходя черезъ чистый воздухъ, почти ничего не удѣляютъ ему изъ своей теплоты и, дойдя до поверхности земли, согрѣваютъ находящіеся на ней предметы и только эти послѣдніе выдѣляютъ часть своего тепла въ воздухъ. Процессъ этотъ совер-

шенно измѣняется, когда земля покрыта снѣгомъ. Проникающіе солнечные лучи, почти не вліающіе на температуру воздуха, отражаются отъ снѣга и идутъ опять въ воздухъ и такимъ образомъ не согрѣваютъ ни воздуха, ни снѣга и ни находящейся подъ снѣгомъ земли настолько значительно, чтобы она могла выдѣлить ощущительное количество тепла въ воздухъ. Въ прошломъ году было не то, такъ какъ сильный снѣгъ былъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Теперь же, отовсюду получаются извѣстія о мятежахъ, которые приносятъ огромное количество снѣга, покрывающаго громадныя пространства. Такія сообщенія находимъ мы изъ сѣверныхъ и южныхъ нашихъ губерній, изъ Турціи и Венгрии, Италии, Испаніи и Сѣверной Америки. Большая часть Европы еще и до сихъ поръ находится подъ покровомъ снѣга. Если вѣтеръ теперь дуетъ съ сѣвера, сѣверо-востока или востока, онъ приносить сильный холодъ и въ ясную ночь воздухъ охлаждается на 5—10 градусовъ.

Мнѣніе Дарвина. Профессоръ Каспари въ „Ботанической Газетѣ“ пишетъ слѣдующее: Въ 1866 г. въ качествѣ эксперта я присутствовалъ на международной выставкѣ растеній и сѣзданій ботаниковъ и садовниковъ Англіи, и имѣлъ удовольствіе побывать у Дарвина. Мне было очень важно услышать отъ него самого, считаетъ ли онъ свою науку о видоизмѣненіи родовъ гипотезой или фактъ? Я спросилъ его, нашелъ ли онъ такой родъ, на которомъ онъ могъ бы доказать фактически, что онъ произошелъ отъ видоизмѣненія другаго? — Нѣтъ — отвѣтилъ онъ. И такъ вы сами науку вашу о видоизмѣненіи родовъ считаете гипотезой? — О да, — былъ рѣшительный отвѣтъ. Великий естествоиспытатель говорилъ въ этомъ случаѣ какъ настоящій апостолъ науки, со скромностью дѣйствительного ученаго, который все, что не основано на самыхъ точныхъ и безошибочныхъ доводахъ, считаетъ только гипотезой.

Крыши для защиты отъ снѣга. т. е. защиты противъ снѣжныхъ заносовъ, установленные на желѣзной дорогѣ Central-Pacific, прорѣзающей сѣверо-американскій континентъ отъ океана до океана, похожи на громадный деревянный туннель и имѣютъ 40 миль длины. Тамъ, где постройка ихъ сравнительно легка, англійская миля такихъ защитъ стоитъ отъ 8,000 до 12,000 долларовъ (1 дол.=1 р. 33 к.). Тамъ-же, где для защиты нужно употребить большія и крѣпкія балки, способная выдержать не только давленіе снѣга, но и давленіе лавинъ, одна миля защитъ обходится 30,000 долларовъ. На всѣмъ пространствѣ приняты всевозможныя мѣры противъ пожаровъ. Большая желѣзная пластина дѣлать постройку на части и служить вмѣстѣ съ тѣмъ брандмаузерами; кроме того по пути установлены автоматические электрические аппараты для поднятія тревоги, а на самомъ возвышенномъ пунктѣ пути находится паровая труба и стоитъ большой передвижной наполненный водою чанъ.

Защиты эти конечно скрываютъ отъ глазъ пассажировъ величественную скалистую природу Сіерры, но безъ нихъ желѣзная дорога зимою не могла бы работать. Снѣгъ выпадаетъ въ такомъ изобилии, что достигаетъ 30 футовъ толщины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на крышахъ слой его доходитъ до 50 футовъ.

До сихъ поръ извѣстны были попытки усовершенствованія лампъ раскаленными источниками свѣта только англичанами и американцами. Теперь и въ Германіи появилась совершенно иного устройства этого рода лампа. Новая электрическая лампа Окре и Вернера во многомъ разнится отъ эдиссоновской. У него, какъ известно, накаливается тонкая угольная пластинка въ безвоздушномъ шарѣ; въ нѣмецкой лампѣ, напротивъ, испускающій лучи свѣта угольный штифтъ помѣщается въ обыкновенномъ ламповомъ цилиндрѣ, наполненномъ азотомъ и углеродомъ, т. е. газами, которые исключаютъ возможность горѣнія находящихся въ нихъ предметовъ. Угольный штифтъ вѣченъ и лампа требуетъ обновленія развѣ только въ томъ случаѣ, если цилиндръ будетъ разбитъ. Но и эта лампа конечно не безъ недостатковъ. Угольный штифтъ, хотя и весьма медленно, но измѣняется и уменьшаетъ яркость свѣта, если былъ ранѣе плохо прокаленъ или если въ цилиндрѣ лампы какимъ бы то ни было образомъ попадетъ атмосферный воздухъ. Можно надѣяться, что лампа эта найдетъ большое примѣненіе на практикѣ.

Алгебраическая задача № 21.

Одна русская пословица состоитъ изъ 24 буквъ. Если замѣнить эти буквы цифрами, согласуясь съ порядкомъ буквъ въ алфавитѣ русской азбуки, между ними получатся слѣдующія соотношенія:

- 1) Первое число относится къ девятнадцатому какъ 1: 3.
- 2) Сумма шестаго и девятаго чиселъ втрое болѣе двадцатаго числа.
- 3) Равность между одиннадцатымъ и десятымъ числами равна пятому числу.
- 4) Удвоенное третье число на 1 болѣе седьмаго числа.
- 5) Сумма двѣнадцатаго и тринаадцатаго чиселъ вдвое болѣе семнадцатаго числа.
- 6) Восьмое число относится къ четырнадцатому какъ 1: 2.
- 7) Сумма первыхъ трехъ чиселъ равна суммѣ двадцать втораго и послѣдняго чиселъ.
- 8) Шестое число вдвое менѣе шестнадцатаго числа.
- 9) Сумма четырнадцатаго и послѣдняго чиселъ равна 50.
- 10) Сумма первого и двадцать первого чиселъ впятеро болѣе двадцать втораго числа.

11) Сумма двѣнадцатаго и восемнадцатаго чиселъ равна разности между тринаадцатымъ и пятымъ числами.

- 12) Учетверенное пятое число на 1 болѣе одиннадцатаго числа.
- 13) Четвертое число на 3 менѣе удвоенного восьмаго числа.
- 14) Удвоенное семнадцатое число на 6 болѣе послѣдняго числа.
- 15) Шестнадцатое число на 1 болѣе суммы девятнадцатаго и предпослѣдняго чиселъ.
- 16) Сумма семнадцатаго, восемнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ равна суммѣ седьмаго и двадцатаго чиселъ.
- 17) Сумма восемнадцатаго и двадцатаго чиселъ равна 25.
- 18) Разность между десятымъ и пятымъ числами равна числу дней недѣли.
- 19) Удвоенное пятое число на 1 менѣе восьмаго числа.
- 20) Седьмое число равняется суммѣ удвоенного девятнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ.
- 21) Сумма шестаго и двадцать третьяго чиселъ равна разности между послѣднимъ и пятнадцатымъ числами.
- 22) Разность между седьмымъ и двадцатымъ числами равна 20.
- 23) Разность между девятымъ и вторымъ числами равна суммѣ двадцать втораго и пятаго чиселъ.
- 24) Семнадцатое число на 2 болѣе третьяго числа.

РЕБУСЪ. Задача № 22.

Рис. Ильиной.

Страхование жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюры (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высыпаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

„СПИРИТИЧЕСКІЙ СЕАНСЪ БЕЗЪ МЕДІУМА“.

ИНТЕРЕСНОЕ ОПТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Каждый можетъ привлечь привидѣніе известныхъ знаменитостей, например: Гоголя, Пушкина, Некрасова, Добролюбова, Бѣлинского, Грибоѣдова, Лермонтова, Глинки, Сѣрова, Суворова, Скобелева, Наполеона I и другихъ.

Къ каждому рисунку приложена, отпечатанная на двухъ страницахъ, объяснительная записка, съ научной стороны разясняющая причины оптическаго явленія,—съ полнымъ описаниемъ рисунковъ (въ разрѣзѣ) человѣческаго глаза и его составныхъ частей.

Цѣна 10 копѣекъ.

Господа иногородные, желающие выплатить 1 или несколько экземпляровъ, благоволятъ прислать по нижеслѣдующему адресу: 1) Имя требуемаго изображенія и 2) на 12 копѣекъ почтовыхъ марокъ за каждый экземпляръ, за что немедленно будетъ выслано заказываемое. Желающие выплатить 10 экземпляровъ, высыпаютъ 1 рубль и тогда за пересылку ничего не платятъ.

Адресъ главного склада этого изданія: С.-Петербургъ, Мойка, д. № 40, кв. 54. Ф. Клонферъ.

Гр. торговцамъ дѣлается значительная уступка.

Р. № 2589. 1—1

On vend meilleur marché
TOUTES LES BONNES PARFUMERIES
Fabriques et maisons principales
à St.-Petersbourg
16 grande Morskaja. à Paris
84 rue des petits champs.
SUCURSALES { rue St.-Honoré 233
d'Aumale 8 } PARIS.

POUR ACCÉLÉRER
encore plus la vente de forts et nombreux achats
À UN BON MARCHÉ ÉTONNANT
LE PRIX DES VENTES DÈS CE JOUR
pour beaucoup d'articles

MOINS CHER

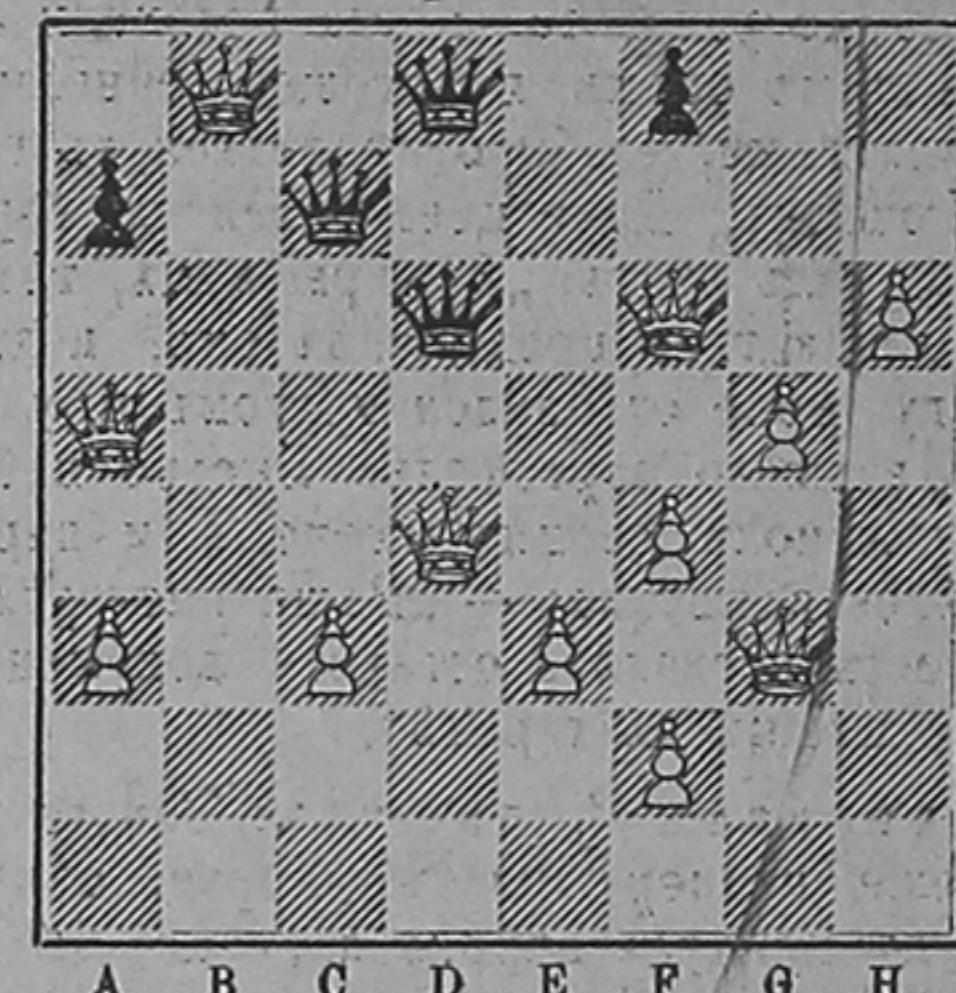
que si l'on achetait à Paris.

Мт. № 2588. 1—1

Шашечная задача № 23.

К. О. Щѣхановича,

Черные.

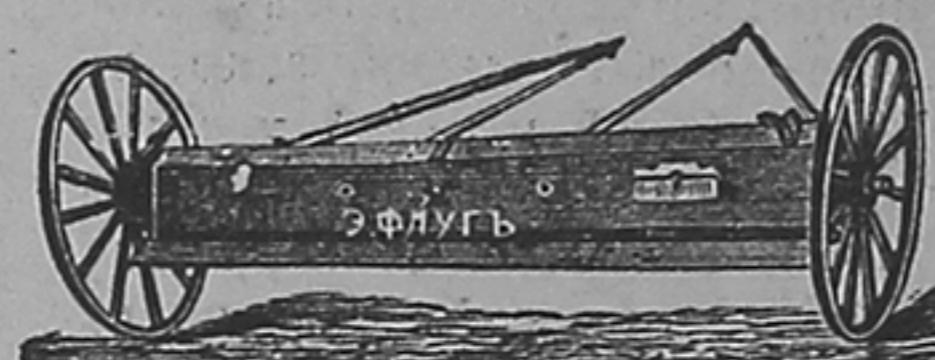
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и заираютъ одну дамку черныхъ въ 7 ходовъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Хоръ пѣвчихъ Шапшевскаго училища (съ рис.).—Въ цветахъ. Повѣсть Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе).—Предатель. Исторический разсказъ М. Лилля. (Окончаніе).—Нилова пустынь (съ рис.).—Бортнянскій и Турчаниновъ (съ портр.).—Сонъ. Стихотвореніе П. П. Гнѣдича.—Празднованіе Пасхи въ старинной Руси. Очеркъ.—Обрядъ „шествія на ослаѣ“ въ XVII в. (съ рис.).—Пасхальная заутренія въ лѣсной церкви (съ рис.).—Святые жены у гроба Спасителя (съ рис.).—Христосъ воскресе! (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Сибирь.—Задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ДЕПО МАШИНЪ
ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 11.
Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузера.
Большой выборъ деревянныхъ,ъ зѣльзныхъ
и стальныхъ плуговъ на 1—2 лошади.
2, 3 и 4 лемешные плуги новѣйшей кон-
струкціи.

Шотландскія деревянныя бороны, Говар-
да зигъ-загъ и луговыя бороны и вообще

всевозможныя землеобрабатывающыя орудія.

Сѣялки въ разбросъ, клеверныя и ручныя сѣялки и всѣ вообще земледѣльческія ма-
шины и орудія лучшей конструкціи и по самыи дешевыи цѣнамъ.

Также большой выборъ разнаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ, пульвометровъ и проч.

Иллюстрированные каталоги и свидѣтельства доброкачественности машинъ высыпаю-
по востребованію бесплатно.

Р. № 2577 8—2

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ преж-
ній ихъ цветъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка
1 руб.; для удобства: жидкай и густая помада, по полфлакону цѣна 8½ руб., пересылка
1½ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волоса, не линяютъ, въ черный цв. цѣ-
на 8 руб., перес. по 1 рублю. Горюховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой.
№ 2581

I. ГОСПОДАМЪ ОВЦЕВОДАМЪ

Разрѣшеній Врачебными присутствіемъ С.-Петербургскаго Градоначальства.

НОВЫЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ СОСТАВЪ ДЖЕЙСА ВЪ ЛОНДОНЪ
для купанья овецъ,

убиванья клещей и паразитовъ, предохраненія отъ чесотки и для улучшенія шерсти.
Единственное средство, которое употребляется съ большими успѣхомъ въ настоящее

время въ Англіи, Америкѣ и Австралии.

Неопасный и неядовитый, замѣняетъ карболъ и всѣ другія средства.

Одно ведро этого состава, смѣшанное съ 60 ведрами воды, достаточно на 800 овецъ.

Цѣна 17 руб. за ведро, на бочку уступка, вѣсъ бочки 15—20 пудовъ.

II. Составъ для дезинфекціи Джейса,

(жидкость, порошокъ и мыло) высокаго качества, находящійся въ употреблениіи во
всѣхъ главныхъ казенныхъ заведеніяхъ и госпиталяхъ зѣдѣній и заграницы, ко-
піи многочисленныхъ атtestатовъ высыпаются бесплатно.

Главный складъ для всей Россіи:

Джонъ-Фильдъ, С.-Петербургъ, Невскій, д. № 11, кв. № 18.

Р. № 2590 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшеніемъ С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЖИДКОСТЬ отъ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, пальто, ковровъ, мебели и проч., призна-
на по 20-ти лѣтнему опыту однѣмъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для ис-
требленія моли.

Употребляется тоже для очищенія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 80 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, близ-
ко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирую-
щіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“,
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ;

- 1) Невскій проспектъ, д. № 82, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, угол Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств.

домъ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя

съ вывескою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадле-
жатъ.

Р. № 2575—1

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

ЮЛЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Большая Морская, № 42.

ЮЛЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

МОСКВА.

Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Струнные инструменты и принадлежности.

Скрипки по 2 р. 50 к., 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 100, 150, 200 р. и дор.

Смычки для скрипокъ по 50 к., 1, 1 р. 50 к., 2, 8, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 р.

Футляры для скрипокъ по 4, 5, 7, 10, 15, 25 р.

Школы для скрипокъ по 1, 2, 3, 4 и 5 р.

Альты по 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р.

Виолончели по 20, 25, 30, 40, 50, 60, 80, 100, 150, 200 руб. и дороже.

Смычки для виолончелей по 2, 8, 4, 5, 6, 8, 10, 15, 20, 5 и дороже.

Футляры для виолончелей по 15, 20 и 30 р.

Школь къ нимъ по 2 и 4 р.

Контрабасы по 40, 50, 65, 75, 100, 120 р.

Смычки для контрабаса по 2, 8, 5, 7 и 10 р.

Гитары по 8, 10, 12, 14, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 100 и 125 р.

Школы для гитары 1 р. 50 к., 2 и 3 р.

Мандолины по 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60 р.

Школы для мандолины по 5 р.

Цитры по 12, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 50, 60, 75 и 100 р.

Школы для цитры по 2, 3 и 5 р.

Струны жильные для скрипки и гитары по 10 и 20 в. Лучшія Итальянскія по 25 к.

Баски для скрипки по 10, 20 и 50 к.

Струны для гитары 10, 20 и 50 к.

Струны для виолончеля А-30 к., D-40 к., G-50 к., С-60 к.

Струны для контрабаса G-75 к., D-1 р., A-1 р. 50 к., E-2 р.

Полный аккордъ струнъ для цитры 8 р.

Канифоль по 5, 10, 20, 30, 40, 50 к.

Каммертоны по 30, 40, 75 и 1 р. 25 к.

Колки для скрипокъ по 5, 10 и 15 к.

Подставки для скрипокъ 5, 10, 20, 25 и 30 к.

Подгрифы по 30, 40 к. и 1 р.

Сурдинки по 20, 40 и 60 к.

Желѣзные склады, пюпитры по 2, 5, 12 р.

Мѣдные духовые инструменты.

Корнеты а пистонъ по 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 135 и 225 р.

Школы къ нимъ по 1 р. 50 к., 4 и 5 р.

Трубы по 30, 35, и 40 и 50 р.

Альтогорны по 35, 40, 50 и 60 р.

Тенорогорны по 40, 50 и 60 р.

Баритоны по 50, 60, 70 и 75 р.

Тромбоны по 30, 40, 50, 60, и 70 р.

Валторны по 50, 60, и 75 р.

Басы по 50, 60, 70, 80, 90 и 100 р.

Геликоны по 125 и 150 р.

Полная школа для всѣхъ мѣдныхъ инстру-

ментовъ 5 р.

Охотничы рожки по 3, 4, 6, 8, 10 и 15 р.

Сигнальные рожки для пѣхоты по 5 р.

Кавалерійскія трубы по 7 р.

Деревянные духовые инструменты:

Флейты по 3, 5, 7, 10, 12, 20, 25, 30, 40, 50,

60, 100 и 150 р.

Школы по 1.50 и 3 р.

Николо-флейты по 2, 4, 6, 8, 15 и 20 р.

Кларнеты по 6, 8, 10, 15, 18, 20, 25, 30, 35,

40, 50, 60 р.

Трости по 10 и 15 к. Подушки по 2 к.

Школы для кларнетовъ по 4 р.

Флажолеты по 2, 4, 6, 8, и 12 р.

Чаканы по 5, 8, 10 и 12 р.

Млюзеты по 8, 8 и 10 р.

Барабаны малые по 6, 10, 15, 25, 30, 50 р.

Барабаны большие по 40, 50, 60 и 80 р.

Кожи мал. по 1 р. 50 к., больш. 6 р.

Литавры по 125, 150 и 175 р.

Тамъ-Тамъ по 15, 25, 40 р.

Тарелки по 5, 10, 15, 20, 35, 50, 60 и 75 р.

Бубны по 4, 7 и 10 р.

Треугольники по 1, 1.50, 2 и 3 р.

Ложки по 3 и 4 р.

Бунчуки по 25 и 40 р.

Костаньеты по 50 и 75 к., 1 р. и 2 р.

Металлофоны для оркестра по 35 р.

Губные гармоніи по 50 к., 1, 2, 3, 4, 8 р.

Окарини по 75 к., 1, 1.50, 2, 3, 4, 5 и 6 р.

Ноты по 60 к. тетрадь, школы бесплатно.

Бандоніоны по 20, 30, 35, и 50 р.

Школы по 1 р. и 1 1/4 р.

Нѣмецкія концертно по 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10,

12, 15, 16, 18, 20 и 25 р.

Самоучители къ нимъ по 75 к.

Ноты по 40 к. и 1 р. тетрадь.

Англійскія концертно по 28, 35, 45, 55, 70,

100, 125, 140, 160 и 200 р.

Школы къ нимъ 3 р.

Ноты по 60 в., 1 р. 20 к. тетрадь.

Баритоны по 100, 160 и 250 р.

Гармоніи нѣмецк. я, вѣнскія и собственной

фабрики.

Однорядная по 2 3/4, 3 1/2, 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 8,

9, 10, 12, 14, 15, 18, 20 и 24 р.

Двухрядны: по 9, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22,

25, 28, 30, 35 и 40 р.

Трехрядны: по 30, 40, 45, 50, 60 р. и дороже.

Самоучители для гармоній по 1 р.

6 тетрадей нотъ по 75 к. тетрадь.

Шарманки и ручные органы.

Шарманки, играющія 4 пьесы по 12, 14 и 16 р.

6 " по 20, 25 и 30 р.

8 " по 30, 40, 50 р.

Уличные органы, играющіе 8 пьесъ, по 100,

125, 150, 175, 200, 250 и 350 р.

Органчики для птицъ по 10 и 15 р.

Музыкальные ящики:

Ручные играющіе 1 пьесу по 1 р. 50 к.,

1 р. 75 к. и 2 р.

2 " 3 р. 50 к.

4 " 7 р.

Малые заводы, играющіе 2 пьесы по 5 р.

4 " по 9 и 10 р.

6 " по 14 и 16 р.

Большіе " 4 " по 20, 22,

25 и 30 р.

6 " по 30, 35 и

40 руб.

8 " по 40, 50 и

55 руб.

8 " съ цитрой по

60, 65, 75,

90 р. и дор.

12 " по 65 и 75 р.

75 и 90 р.

6 и 8 съ колокольчиками и барабаномъ по 90, 100,

135 и 150 р.

12 пьесъ съ колокольчиками, барабаномъ, костаньетами и

цитрой 200 р.

Гармонифлоты:

3 ОКТ. . . . . 40 р.

3 " съ регистромъ . . . . . 45 р.

3 1/2 " . . . . . 60 р.

3 1/2 " трелью и сурдинк. 75 р.

90 р.

Желѣзные складные педали по 10 р.

Школы по 75 к., 1 р., 2 р. 50 к. и 5 р.

4-хъ октавъ большого формата съ двойной

педалью и регистр., трелью и сурдинк. 140 р.

Гармонифлотъ съ органомъ:

4-хъ октавъ, съ регистромъ, сурдинкою и однимъ валомъ 250 р.

Отдельные валы по 30 р.

Каждый валъ играетъ 6 пьесъ изъ оперъ, танцы, духовныя и свѣтскія пьесы.

Фисгармоніи:

4-хъ октавъ 1 игра изъ дубов. дерева 90 р.

4-хъ " 1 " полис. дер. 100 р.

5-ти

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ,

С-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МО НВА, Петровка, д. Михалкова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

НОВЫЙ РОМАНЪ П. Д. БОБОРОКИНА.

„КИТАЙ-ГОРОДЪ“.

2 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Талантливый авторъ выводить на сцену московскую жизнь и преимущественно жизнь купцовъ-миллионеровъ. Рядомъ живыхъ и полныхъ интереса очерковъ, онъ нагладно изображаетъ эту жизнь съ ея широкими натурами, съ ея слабостями и ея смѣшными сторонами. Большая часть героеvъ списка прямъ съ живыхъ лицъ изъ московского купечества и многіе изъ нихъ узнаютъ себя въ персонажахъ романа. Вообще романъ весьма интересенъ, читается очень легко и долженъ возбудить общее внимание.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПОЛНАЯ КНИГА О БАБОЧКАХЪ.

„БАБОЧКИ ЕВРОПЫ“
ИХЪ ОПИСАНИЕ, РАСПРЕДѢЛЕНИЕ,
ЖИЗНЬ И ЛОВЛЯ.

Сочиненіе Берге, перев. съ 5-го нѣм. изд. П. Ольхина.

Больш. т. въ 4 д. л., съ 50 раскраш. табл., изображен. 428 видовъ бабочекъ. Ц. въ богатомъ перепл. 18 р., съ пер. 21 р.

Въ этомъ сочиненіи описаны всѣ бабочки Европы и особенно подробно встрѣчающіяся въ Россіи; указано на время и мѣсто ихъ появленія, степень ихъ рѣдкости, уходъ за гусеницами, различные способы собирать бабочекъ въ коллекціи и т. д. Каждый любитель и собиратель найдетъ въ этой книгѣ рѣшительное все относящееся до бабочекъ.

НОВОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ
О МЕЛЬНИЦАХЪ.„МУНОМОЛЬНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ“.
СОЧИН. ПРОФЕССОРА АФАНАСЬЕВА,
въ 6. 8 д. л. 725 стр. съ атласомъ въ 4 д.
л. въ 45 табл. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Капитальное сочиненіе извѣстнаго специалиста по мельничному дѣлу, профессора Афанасьевъ, заключаетъ въ себѣ все, что относится къ этой отрасли промышленности: оно учитъ: строить, исправлять и совершенствовать мельницы; приготавливать жернова; очищать и сортировать зерна; заключаетъ въ себѣ описание всѣхъ машинъ, аппаратовъ и механизмовъ, начиная съ жернововъ и кончая только что изобрѣтѣнными новыми машинами, и мн. друг. свѣдѣній.

НОВАЯ ДѢТСКАЯ КНИГА
ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

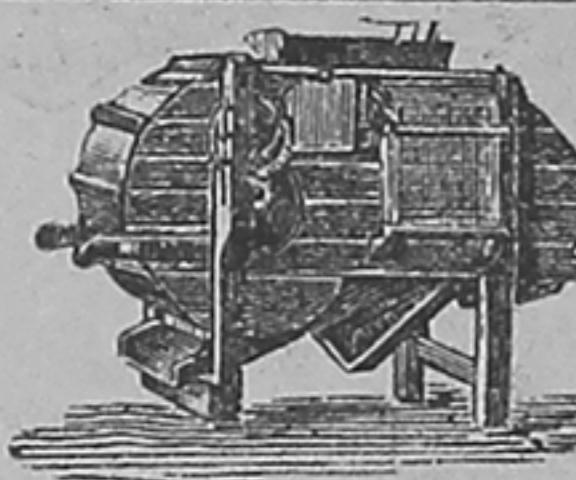
„СВЯТАЯ НЕДѢЛЯ“.

Разсказъ изъ русскаго народнаго быта.

1 т. 4 д. л. съ 6-ю свѣтописными раскрашен. картинами. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Книга эта по своимъ оригинальнымъ и художественнымъ рисункамъ невольно остановитъ на себѣ вниманіе не только дѣтей, но и взрослыхъ. Прелестно написанный разсказъ одного изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ знакомитъ юного читателя съ жизнью крестьянской семьи во время праздника Св. Пасхи. Живое описание праздничныхъ игръ и забавъ деревенскихъ ребятишекъ и ихъ беззаботныхъ веселъ навѣрно заинтересуютъ маленькаго читателя.

Фирма основана

1870 г.

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРНГАРДЪ и УРЛАУБЪ,
С.-Петербургъ,
Васильевскій Остр., 1-я линія, № 10.

Москва,
Мясницкая, домъ Сытова.
имѣть въ своихъ складахъ
лучшій выборъ
новѣйшихъ системъ
земледѣльческихъ машинъ и орудій,
насосы и пожарныя трубы.
Иллюстрированные каталоги высылаются
бесплатно. № 2561 4-3

Настоящій, степной, кобылій
КУМЫСЪ.

Лечебное заведение Аннаева близь Самары. Подробности въ брошюре, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6-1

Издание А. Ф. Маркса.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кара-
зина, второе изданіе, съ 39 рис.
автора, большой томъ in 8 —
всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер.
2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за
перес. не платятъ.

НОВАЯ КНИГА:

РЕЙНЕКЕ—ЛИСЪ
ВЪ СТИХАХЪ.24 РОСКОШНЫХЪ РИСУНКА.
Цѣна 3 РУБЛЯ.Продается во всѣхъ книжн. маг. Петербурга.
№ 2583 1-1КРЫМСКАЯ НАТУРАЛЬНАЯ ВИНА
K. СКИРМУНТА.2571 ВЪ МОСКВѢ, 2-2
у Покровскихъ воротъ, домъ Миндера.

При этомъ № прил. для гг. иногородн. подписч. (за исключ. 23 и 25-го тракта) прейс-курантъ отъ гг. Лильполь, Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ.

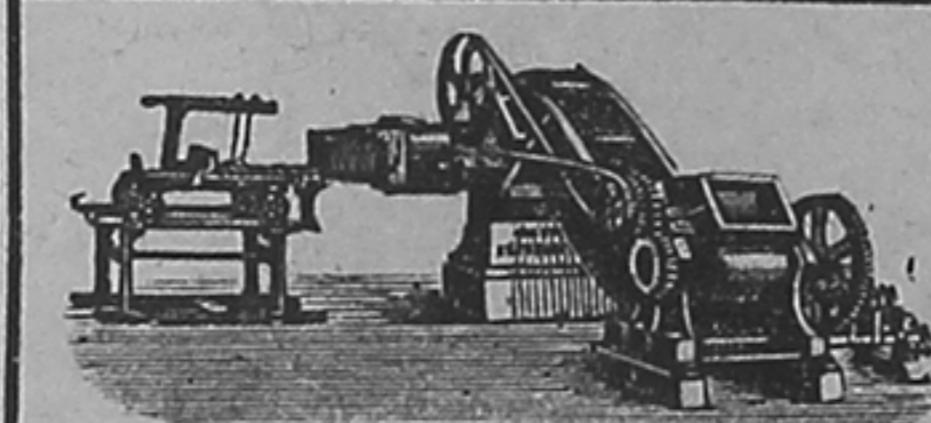
Дозволено цензурою. СПБ. 13 апрѣля 1883 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.

Издание А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

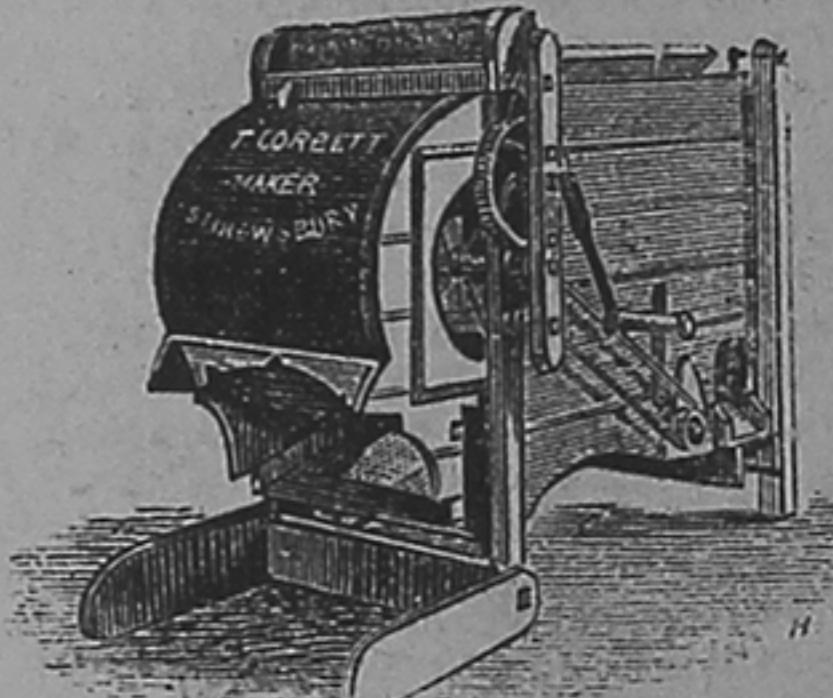
Москва, Мясницкая улица, д. Ермаковыхъ.

Ц. № 2586 5-1

ИНЖЕНЕРЪ
Людвигъ Федоровичъ Шайкѣзенъ,
специалистъ по торфяномъ и кирпичномъ
дѣлу, рекомендуетъ торфяные и кирпи-
чедѣлательные машины новой конструкціи,
примѣненной вполнѣ успешно на практикѣ.
Иллюстрированные прейс-куранты вы-
даются по востребованію бесплатно.

Ц. № 2586 5-1

№ 258
Сельскохозяйственное коммисіонер-
ство и складъ машинъ
Э. В. БРЕННЕРЪ.
Баскова ул., на углу Баскова пер., д. № 3/4.
ПРОДАЕТЪ СО СКЛАДА:

Плуги, Бороны и проч. орудія.
Сѣялки, Молотилки и приводы,
вѣялки, Конные Грабли, Катвен-
ные машины Адріансе, косилки
Бокесъ, мельницы, локомобили и
№ 2584 проч. машины.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Н. П. ЛАНИНА,

Въ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ
числѣ двумя медалями на Филадельфійской
и почтѣнными отзывами на Парижской все-
мирныхъ выставкахъ и на посѣдней Все-
российской выставкѣ въ Москвѣ золотой
медалью,
неуступающее хорошимъ французскимъ
маркамъ,
по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.
(прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ въ обѣихъ сто-
лицахъ, въ большей части другихъ городовъ
Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Поль-
скаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.
№ 2485 10-8